

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Строр
1750

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

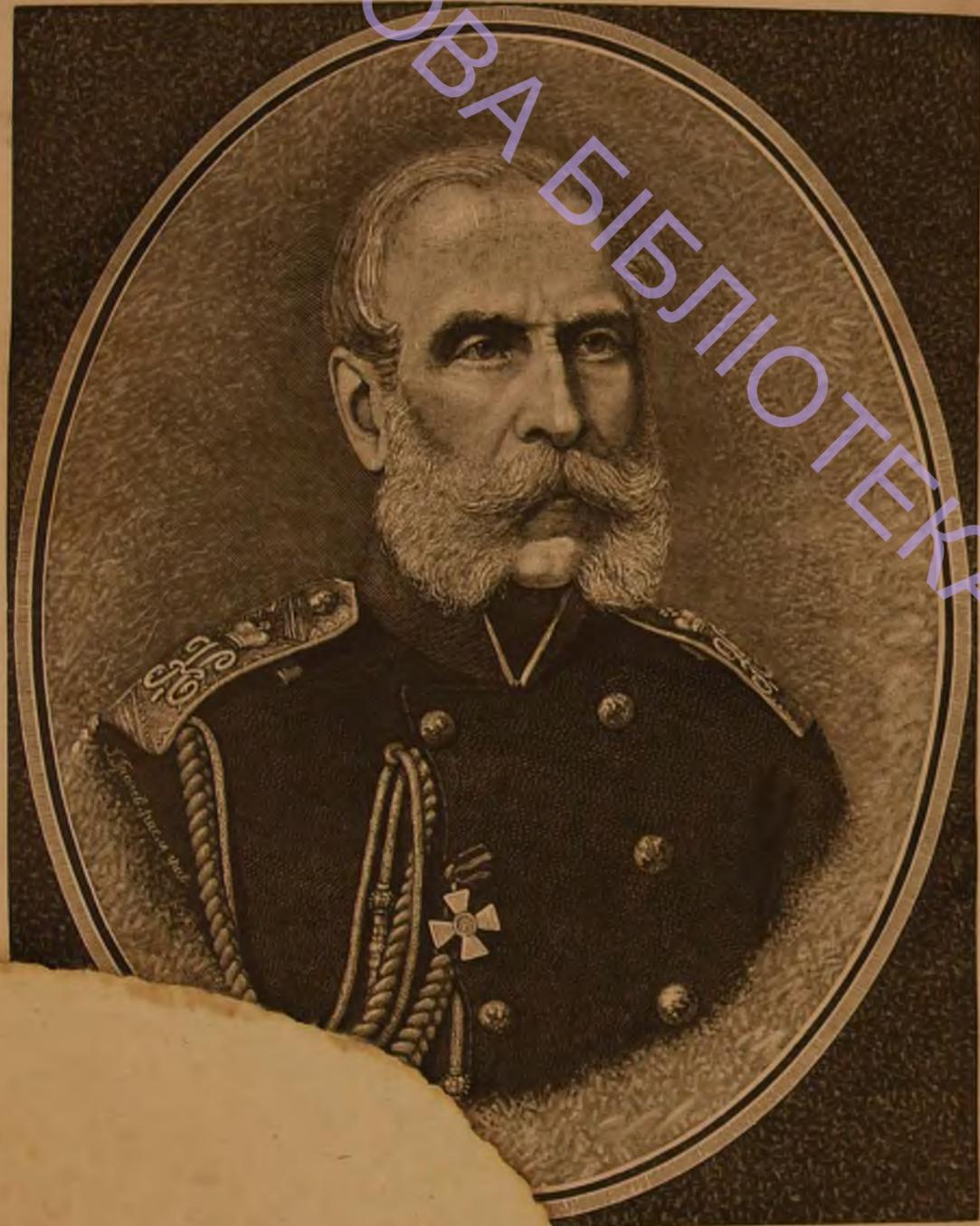
НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

Григорій Іванович Мечников

Сирин

1750.

ГЕНЕРАЛЪ СТРОГОНОВЪ,
ГЕНЕРАЛЪ,
К.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

Сирот
1750

ДОМЪ И ФАМИЛІЯ ГРАФОВЪ СТРОГОНОВЫХЪ

1752—1887 гг.

Родъ владѣльцевъ строгоновскаго дома, начиная съ 1752 г.—Именитый человекъ Григорій Дмитріевичъ Строгоновъ.—Дѣти его: Александръ, Николай и Сергій.—Свѣдѣнія о родѣ Строгоновыхъ.—Мнѣніе о происхожденіи Строгоновыхъ графа Сергія Григорьевича Строгонова.—Биографія перваго строителя дома барона Сергія Григорьевича.—Сынъ его баронъ, впоследствии графъ, Александръ Сергѣевичъ.—Воспитаніе его и женитба на графинѣ Аннѣ Михайловнѣ Воронцовой.—Графъ Михаилъ Иларіоновичъ и супруга его Анна Карловна Воронцова.—Участіе императрицы Елисаветы Петровны въ женитбѣ барона Александра Сергѣевича.—Вѣнчаніе его.—Смерть графини Строгоновой.—Новый бракъ Александра Сергѣевича съ княжною Екатериною Петровною Трубецкою.—Путешествіе ихъ за границу.—Рожденіе сына Павла.—Иванъ Николаевичъ Корсаковъ.—Увольненіе и переѣздъ его въ Москву.—Графиня Екатерина Петровна удаляется въ Москву.—Сельцо Братцово.—Жизнь ея.—Дворяне Ладомирскіе.—Жизнь графа Александра Сергѣевича въ царствованіе императрицы Екатерины II, Павла и Александра I-го.—Сынъ его гр. Павелъ Александровичъ.—Супруга его гр. Софія Владиміровна.—Дочь ея гр. Наталія Павловна и мужъ послѣдней—гр. Сергій Григорьевичъ Строгоновъ.—Составъ маіората и галлерей.

I.

Всякій, кто былъ въ Петербургѣ и прошелся хотя одинъ разъ по Невскому проспекту, тотъ не могъ не остановить свои взоры на старинномъ домѣ, находящемся близъ Полицейскаго моста, на углу Невскаго проспекта и набережной рѣки Мойки. По своей архитектурѣ и вообще наружному виду, домъ этотъ напоминаетъ Зимній дворецъ, который, какъ извѣстно, построенъ былъ знаменитымъ въ свое время, именно въ половинѣ прошлаго XVIII вѣка (въ 1762 г.), архитекторомъ графомъ Растрелли.

Домъ этотъ есть достояніе графовъ Строгоновыхъ и составляетъ часть такъ называемаго строгоновскаго маіората, который, по величинѣ своей, едва ли не превосходитъ нѣкоторыя малыя государства Германской имперіи.

Дѣйствительно, строгоновскій домъ, какъ увидимъ впоследствии, построенъ почти въ одно и то-же время, какъ и Зимній дворецъ, и тѣмъ самымъ архитекторомъ, графомъ Растрелли, въ 1752—1754 годахъ.

Въ теченіи болѣе вѣка домъ этотъ наполнялся и преисполненъ сокровищами живописи, портретами замѣчательныхъ лицъ, коллекціями эстамповъ, собраній монетъ и прочихъ рѣдкостей и кромѣ сего вмѣщаетъ въ себѣ огромную библіотеку; владельцы же онаго съискони отличались заслугами отечеству и престолу, а потому имена ихъ сдѣлались достояніемъ исторіи.

Далѣе, въ былое время строгоновскій домъ открытъ былъ любителямъ науки, слова, живописи, артистамъ и вообще талантамъ, и потому почасту представлялъ изъ себя, такъ сказать, академію или храмъ, посвященный музамъ.

Нѣкоторые изъ владѣльцевъ онаго въ особенности покровительствовали всему этому, а потому въ свое время, по справедливости, получили и пользовались названіемъ меценатовъ.

Вотъ въ виду сего и сочувствуя программѣ уважаемаго журнала „Русской Старины“ — знакомить читателей онаго со всѣмъ тѣмъ, что касается замѣчательныхъ лицъ Россіи, мы рѣшились составить краткій очеркъ съ цѣлію познакомить многочисленныхъ читателей этого журнала какъ съ бывшими владѣльцами стариннаго дома—графовъ Строгоновыхъ, такъ и со всѣмъ тѣмъ, что касается рода ихъ, безспорно славнаго по своей полезной дѣятельности.

Впрочемъ, очеркъ этотъ не есть полная біографія владѣльцевъ этого дома, для чего потребовалось бы и много матеріаловъ, кои мы не обладаемъ, и изученіе общественнаго быта и исторіи прошлаго и начала нынѣшняго вѣковъ, въ теченіи коихъ они жили; нѣтъ, все это не входитъ въ предѣлы нашей статьи. Мы только составили краткій, но вполне достовѣрный очеркъ всего того, что намъ сдѣлалось извѣстнымъ и о чемъ удалось собрать свѣдѣнія, по отношенію рода графовъ Строгоновыхъ, въ теченіи многихъ лѣтъ.

Итакъ, начнемъ.

Настоящій владѣлецъ этого дома есть графъ Сергѣй Александровичъ Строгоновъ, но въ хронологическомъ порядкѣ, со времени постройки онаго, собственниками дома были слѣдующія лица:

Первымъ, строителемъ (1752 — 1754 гг.), былъ баронъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, умершій 30 сентября 1756 г.

Вторымъ, послѣ него, владѣльцемъ былъ единственный сынъ его, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, скончавшійся 27 сентября 1811 года.

Третьимъ—единственный сынъ послѣдняго, графъ Павелъ Александровичъ Строгоновъ,—умершій 10 іюня 1817 года.

Четвертою, на основаніи особаго маіоратнаго акта 1817 г. въ качествѣ пожизненной владѣлицы всего строгоновскаго маіората вмѣстѣ съ домомъ, была супруга графа Павла Александровича, графиня Софія Владиміровна Строгонова, рожденная княжна Голицына, умершая 5 марта 1845 года.

Пятою послѣ нея хозяйкою дома была старшая дочь ея, графиня Наталія Павловна Строгонова, бывшая въ замужествѣ за графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ.

Шестымъ, по смерти ея, послѣдовавшей 7 октября 1872 г., въ качествѣ пожизненнаго владѣльца и на основаніи тоже особаго высочайшаго разрѣшенія, является мужъ ея, самъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, умершій 27 марта 1882 г.

Далѣе, за смертію сына графини Наталіи и графа Сергѣя—графа Александра Сергѣевича, умершаго прежде своихъ родителей, въ наследство всего строгоновскаго маіората вступаетъ, по праву представленія своего отца, нынѣшній владѣлецъ, сынъ его, графъ Сергѣй Александровичъ Строгоновъ, который, по сему, является, со времени постройки дома, седьмымъ владѣльцемъ.

Первый владѣлецъ и строитель описываемаго нами дома, баронъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, былъ сынъ послѣдняго, изъ такъ называемыхъ, въ нашей исторіи, именитыхъ людей Строгоновыхъ,—Григорія Дмитріевича Строгонова.

По преданію, императоръ Петръ Великій не могъ бы окончить успѣшно войны со шведами, если-бъ не получалъ пособія деньгами отъ Григорія Дмитріевича Строгонова. Такъ, однажды,

Григорій Дмитріевичъ, угощая царя Петра обѣдомъ на бочкѣ, наполненной золотомъ, сказалъ ему: „что не подчуетъ своего господина и благодѣтеля въ половину, — но просить смотрѣть на бочку, какъ на часть угощенія“.

Царь Петръ, разумѣется, принялъ этотъ даръ.

Супруга Григорія Дмитріевича, Марія Яковлевна, рожденная Новосильцова, находилась въ отъѣнной милости у царя Петра; она, какъ извѣстно, была первою статсъ-дамой при его дворѣ.

Григорій Дмитріевичъ умеръ въ 1715 году. Пожертвованія его царю и отечеству были и велики и часты.

Во вниманіе сихъ услугъ, царь Петръ, празднуя 30 мая 1722 года, въ г. Казани, день пятидесятилѣтняго своего рожденія, — возвелъ трехъ сыновей Григорія Дмитріевича: Александра, Николая и Сергѣя, — въ баронское достоинство.

Вотъ эти три лица и сдѣлались родоначальниками трехъ особыхъ вѣтвей Строгоновской фамиліи.

Но въ нашемъ очертаніи мы будемъ держаться по преимуществу потомства барона Сергѣя Григорьевича, какъ владѣльцевъ описываемаго нами дома.

О древнемъ происхожденіи именитыхъ людей Строгоновыхъ мы отсылаемъ читателя къ исторіи Карамзина и къ брошюрѣ Н. Г. Устрялова: Именитые люди Строгоновы (Спб., 1842 г.).

По исторіи Карамзина, Строгоновы суть потомки татарскаго мурзы, по имени Спиридона, царскаго происхожденія.

Вотъ этого мурзу озлобленные татары, за перемѣну вѣры, застрогали, будто бы, до смерти, отчего потомки его и получили названіе Строгоновыхъ.

Тотъ же Карамзинъ описываетъ, что братья Строгоновы, Яковъ и Григорій, еще въ XVI столѣтіи, во времена Іоанна Грознаго, извѣстны были уже своими богатствами, промыслами, сначала по вываркѣ соли, въ нынѣшней Вологодской губерніи, и потомъ по выдѣлѣ металловъ въ Пермской губерніи.

Все это Карамзинъ заимствовалъ изъ сказанія голландскаго ученаго Витсена, бывшаго въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Москвѣ. Независимо отъ сего, по исторіи Карамзина,

внуки Спиридона Строгонова способствовали искупленію изъ плѣна отъ татаръ великаго князя Василя Темнаго.

По Устрялову, Строгоновы въ древнее время были что-то въ родѣ феодальныхъ бароновъ, пользовавшихся извѣстною самостоятельностью и независимостью отъ московскихъ властей.

Впрочемъ, монографія Устрялова кончается смертью именитаго челоука Григорія Дмитріевича Строгонова, а нашъ очеркъ начинается жизнію сыновей его, и по поводу происхожденія Строгоновыхъ мы скажемъ слѣдующее: сказанію или баснѣ о томъ, будто бы одинъ изъ предковъ ихъ былъ застроганъ до смерти татарами, — никто изъ старшихъ членовъ этой фамиліи, позднѣйшаго времени, не придавалъ никакой вѣры, о чемъ мы, въ былое время, неоднократно и бесѣдовали съ нѣкоторыми изъ нихъ.

По отношенію-же брошюры Н. Устрялова „Именитые люди“, вотъ что мы вспомнили. Въ началѣ сороковыхъ годовъ текущаго вѣка, въ то время, когда я жилъ въ домѣ Строгоновыхъ, графиня Софія Владиміровна, въ разговорѣ со мною, выразила какъ-то желаніе, чтобы я указалъ ей кого-либо изъ ученыхъ людей, съ цѣлію поручить ему заняться изслѣдованіемъ о родѣ и происхожденіи Строгоновыхъ.

Въ то время профессоромъ русской исторіи въ с.-петербургскомъ университетѣ, въ коемъ я окончилъ курсъ, былъ Н. Г. Устряловъ, извѣстный уже тогда изданіемъ писемъ князя Курбскаго и записокъ Маржерета о Дмитріи Самозванцѣ.

Вслѣдствіе сего я указалъ графинѣ на Устрялова, и вотъ, по передачѣ ему мною желанія ея и нѣкоторыхъ бумагъ и актовъ Строгоновской фамиліи, — онъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, представилъ означенную работу, т. е. „Именитые люди Строгоновы“.

Трудъ этотъ былъ напечатанъ въ 1842 г., на счетъ графини, и разосланъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и зятю ея, графу Сергѣю Григорьевичу Строгонову, бывшему тогда попечителемъ московскаго университета.

Затѣмъ, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, графъ Сергѣй Григорьевичъ, при встрѣчѣ со мною, сказалъ: „съ чего это вашъ Устряловъ, въ брошюрѣ „Именитые люди“, вздумалъ придавать фамиліи Строгоновыхъ значеніе феодальныхъ бароновъ? Ничего подобнаго не было. Напротивъ того, продолжалъ графъ,

Строгоновы были люди русскаго происхожденія, посвятившіе себя промысламъ, сначала соляному, а потомъ желѣзному и вообще рудному. Въ доказательство сего, говорилъ графъ, могу сказать то, что и теперь въ Вологодской губерніи, откуда собственно и вышли Строгоновы, есть люди, носящіе также фамилію Строгоновыхъ и не менѣе древняго происхожденія, какъ и я самъ; съ ними я лично знакомъ, и считаю свое происхожденіе, а равно и ихъ, отъ однихъ и тѣхъ же родоначальниковъ¹⁾.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ, какъ извѣстно, былъ человекъ правдивый, говорилъ чистосердечно, и по своимъ знаніямъ исторіи и вообще археологіи, коихъ онъ былъ страстнымъ любителемъ, заслуживалъ полного довѣрія.

Но не будемъ вдаваться въ изысканія о семъ предметѣ и скажемъ, на основаніи словъ графа Сергѣя Григорьевича, что древніе Строгоновы, развившіе свою промысловую дѣятельность въ Вологодской и Пермской губерніяхъ, были люди русскіе и вовсе не царскаго происхожденія и никогда не присвоивали себѣ значенія бароновъ феодальныхъ¹⁾.

Добавимъ къ этому, что люди сіи, въ видахъ охраны своихъ заводовъ отъ набѣговъ инородцевъ, успѣли залучить къ себѣ атамана разбойнической шайки Ермака и его дружину, снабдили ихъ

¹⁾ Недавно намъ попалась подъ руку книга, почти неизвѣстная въ Россіи *Geschichte des russischen hohen Adels*, von Dr. Arthur Kleinschmidt, доцента исторіи въ гейдельбергскомъ университетѣ, Cassel, 8 д., 1877 г., стр. XVI—560. Въ этой объемистой книгѣ убористой печати авторъ излагаетъ генеалогію 270 русскіхъ титулованныхъ и не титулованныхъ фамилій; не зная русскаго языка, г. Клейншмидтъ пользовался переводами на французскій и нѣмецкій языкъ—исторіи Карамзина, Устрялова, Бестужева-Рюмина, а также разными записками иностранцевъ о Россіи, а также и русскіхъ людей (въ переводахъ), каковы: кн. Долгорукаго, кн. Дашковой, графа Корфа, А. И. Герцена, памфлетами Головина и проч.

При незнаніи русскаго языка, авторъ не могъ воспользоваться трудомъ, прямо до предмета его книги относящимся: „Русскою родословною книгою“, составленною кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, изданною нами, въ двухъ частяхъ, въ 1873 и 1875 гг. Въ книгѣ г. Клейншмидта много неточностей и простодушной наивности въ разныхъ замѣткахъ о позднѣйшихъ представителяхъ тѣхъ или другихъ фамилій (см., напр., о графѣ Петрѣ Андр. Шуваловѣ). Строгоновымъ посвящены въ упомянутой книгѣ стр. 379—388; о происхожденіи ихъ (будто бы отъ татарскаго мурзы) повторяются прежнія басни.

М. С.

Висбаденъ. 1 февраля 1887 г.

всѣми боевыми средствами и направили ихъ отважную дѣятельность на завоеваніе Сибири.

Въ этомъ и состоитъ особая заслуга Строгоновыхъ, привлекавшая къ нимъ благоволеніе великихъ князей московскихъ и въ особенности царя Іоанна Грознаго и, наконецъ, великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Отъ сихъ послѣднихъ Строгоновы, въ лицѣ Григорія Дмитріевича, получили подтвердительную жалованную грамоту 25-го іюля 1692 года, на укрѣпленіе за ними обширныхъ земель въ Пермскомъ краѣ, со всѣми преимуществами, дарованными роду его съ половины XVI до конца XVII вѣка.

Но такое предоставленіе предкамъ и ему, Григорію Строгонову, отъ московскихъ великихъ князей нѣкоторыхъ особыхъ правъ, по владѣнію пожалованными имъ землями, что въ то время было въ обычаѣ, не могло давать имъ значенія какихъ-то феодальныхъ бароновъ, какъ думалъ и писалъ Устряловъ.

Вообще скажемъ, что Строгоновы еще въ XVI столѣтіи считались людьми богатыми московскаго государства, а съ XVIII они уже являются при дворѣ на службѣ царю и отечеству, и заслуги ихъ признаваемы были какъ прежними нашими вѣщностями, такъ и государями послѣдняго времени.

Засимъ обратимся къ первому строителю и владѣльцу описываемаго нами строгоновскаго дома, барону Сергѣю Григорьевичу.

II.

Точнаго дня рожденія барона Сергѣя Григорьевича мы не знаемъ, но судя по надписи на памятникѣ въ Невскомъ монастырѣ о томъ, что онъ умеръ 30 сентября 1756 года, на 49 году своей жизни, можно заключить, что онъ родился въ 1707 году.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, 1741—1761 гг., онъ былъ дѣйствительнымъ камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени. Въ день же рожденія великаго князя Павла Петровича, именно 20 сентября 1754 года, онъ былъ пожалованъ генералъ-лейтенантомъ.

Вообще, онъ пользовался большою благосклонностію со стороны императрицы и по своему богатому состоянію, связямъ и женитьбой на Софіи Нарышкиной онъ былъ весьма близокъ къ особѣ ея и ко двору.

Были еще другія обстоятельства, связывающія Строгоновскую семью съ царствующею фамиліею и дѣлавшія ихъ родственниками.

Обстоятельства эти есть женитьба брата императрицы Екатерины I, Мартына Карловича Скавронскаго, на племянницѣ барона Сергѣя Григорьевича — Маріи Николаевнѣ Строгоновой. Сія послѣдняя жила въ домѣ своего дяди въ Петербургѣ и самая свадьба отпразднована была тутъ на славу и со всею пышностію. Родство Строгоновыхъ, какъ увидимъ впоследствии, признавали гласно императрицы Елисавета и Екатерина II.

Баронъ Сергѣй Григорьевичъ, по обязанности своей службы, постоянно былъ въ свитѣ императрицы Елисаветы, совершалъ съ ней всѣ ея путешествія, или, какъ тогда говорили, былъ въ походѣ.

Отъ брака съ Софіей Кириловной Нарышкиной, умершей 7 мая 1737 года, онъ имѣлъ единственнаго сына Александра, рожденнаго 3 января 1733 года, и на воспитаніе его онъ обратилъ все свое вниманіе.

Сначала воспитаніе его шло дома подъ руководствомъ француза Антонія; по достиженіи сыномъ 18-ти-лѣтняго возраста, образованіе это оказалось недостаточнымъ и рѣшено было отправить его за границу.

И вотъ 24-го мая 1752 года молодой баронъ Александръ Сергѣевичъ, откланявшись наканунѣ императрицѣ, въ сопровожденіи своего наставника Антонія и двухъ служителей, Мурахина и Печенева — отправился за границу, гдѣ и пробылъ до іюня мѣсяца 1757 года.

Во время пребыванія его тамъ, между отцемъ и сыномъ происходила самая нѣжная переписка, изъ которой, въ былое время, мы сдѣлали извлеченія.

Благодаря этой перепискѣ, мы имѣемъ свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни барона Сергѣя Григорьевича, о постройкѣ имъ описываемаго нами дома, о воспитаніи сына его Александра

и, наконецъ, о женитьбѣ сего послѣдняго на графинѣ Аннѣ Михайловнѣ Воронцовой.

Относительно сего путешествія скажемъ первоначально, что на издержки по оному баронъ Сергѣй Григорьевичъ назначилъ сыну 2,500 руб. въ годъ, каковую сумму онъ и акредитовалъ у банкира, по имени Логина, въ Амстердамѣ. Впрочемъ, Логину поручено было выдавать ему и болѣе, если-бы оказалась въ томъ необходимость.

При участіи вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, баронъ Сергѣй Григорьевичъ снабдилъ сына своего рекомендательными письмами ко всѣмъ нашимъ посламъ за границую и другимъ лицамъ, тамъ пребывающимъ; съ своей стороны нашъ академикъ Миллеръ далъ ему письма ко всѣмъ знаменитостямъ того времени по части ученой.

Письма сіи дали возможность молодому барону быть представленнымъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ и коронованнымъ особамъ и войти въ сношенія съ учеными людьми.

Во время пребыванія сына за границею, отецъ писалъ къ нему въ Женеву, что 22-го октября 1752 года, въ Петербургѣ, было такое наводненіе, что причинило большой вредъ городу и народу, причемъ многіе утонули.

Потомъ другимъ письмомъ, вслѣдъ за предъидущимъ, баронъ Сергѣй Григорьевичъ сообщилъ сыну, что „нашъ петербургскій домъ, 1-го ноября 1752 года, сгорѣлъ до основанія и что на томъ-же самомъ мѣстѣ онъ началъ строить новый и такой огромный и съ такими украшеніями внутри и снаружи, что удивленія достойно“.

Независимо отъ сего, Александръ Сергѣевичъ получилъ отъ отца извѣщеніе о томъ, что графъ Растрелли тогда жилъ у него въ домѣ въ покояхъ его, Александра, и это обстоятельство даетъ поводъ почасти ему, отцу, говорить съ нимъ, Растрелли, о немъ — сынѣ и что сей послѣдній составилъ планъ и фасадъ новому дому.

Вотъ эти два письма и заключаютъ въ себѣ едва-ли не единственныя свѣдѣнія о времени постройки дома графовъ Строгоновыхъ Растрелли, — ибо никакихъ другихъ письменныхъ документовъ въ конторѣ Строгоновыхъ нѣтъ.

Такую мысль я вывожу изъ того, что графъ Сергѣй Гри-

горьевичъ (попечитель) въ 1872 году, вѣроятно, желая привести въ ясность время и обстоятельства, сопровождавшія постройку дома, о коемъ теперь идетъ рѣчь и въ которомъ онъ тогда жилъ, спрашивалъ меня: не знаю-ли я что-либо о семъ предметѣ, говоря, что собственно бумагъ или дѣла объ этомъ домѣ въ конторѣ у него нѣтъ.

Само собою, разумѣется, въ отвѣтъ на это, я указалъ Сергѣю Григорьевичу на упомянутыя два письма барона Строгонова, писанныя имъ въ 1752 году.

Впрочемъ, что домъ Строгоновыхъ построенъ графомъ Растрелли, то это фактъ общезвѣстный и сомнѣнія въ томъ быть не можетъ.

Къ сему добавимъ, что Растрелли въ то-же время строилъ и домъ графа Михаила Воронцова, что нынѣ Пажескій корпусъ.

Имя графа Воронцова мы не безъ умысла упомянули, ибо, какъ впоследствии увидимъ, дочь его графиня Анна сбѣгалась супругою нашего молодого путешественника, барона Александра Сергѣевича.

Въ 1752 и послѣдующіе за симъ годы онъ жилъ въ Женевѣ, слушалъ тамъ курсъ разныхъ наукъ, по окончаніи которыхъ намѣревался объѣхать Италію и Францію и только послѣ сего воротиться въ Россію.

Но не такъ думалъ его родитель и императрица Елисавета Петровна.

Въ головѣ у нихъ созрѣлъ планъ женитьбы Александра Сергѣевича на юной графинѣ Аннѣ Михайловнѣ Воронцовой.

Въ нѣкоторыхъ письмахъ современниковъ есть свѣдѣнія о томъ, что Александръ Сергѣевичъ, живя за границею и предавшись вполне наукамъ, не безъ страха помышлялъ о намѣреніяхъ отца относительно его женитьбы.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей о скорѣйшей женитьбѣ сына, отецъ писалъ къ нему, что отъ „наставника Антонія онъ имѣетъ весьма удовлетворительныя свѣдѣнія объ окончаніи имъ курса многихъ наукъ, и что этимъ онъ довольно себя приготовилъ на службу отечеству, но, — продолжалъ отецъ, — вамъ не всегда придется жить уединенно и съ однѣми учеными мыслями, но должны будете обращаться въ новомъ свѣтѣ съ цѣлью что-нибудь себѣ профитировать“.

Потомъ отецъ писалъ ему болѣе рѣшительно, говоря: „возвращайтесь въ отечество, ибо нѣкоторыя обстоятельства, клонящіяся къ вашему благополучію, велятъ вамъ поспѣшить пріѣздомъ“.

Нетерпѣніе отца видѣть сына было такъ велико, что онъ съ цѣлю, чтобы заставить его возвратиться въ отечество немедленно, прекратилъ высылку или переводъ ему денегъ за границу.

Но все это оказалось бесполезнымъ, Провидѣніе иначе устроило: 30 сентября 1756 года баронъ Сергѣй Григорьевичъ скоростижно умеръ.

По поводу сего, въ академическихъ вѣдомостяхъ того времени было напечатано, на латинскомъ и русскомъ языкахъ, „что онъ око былъ слѣпыхъ, пога хромыхъ и всѣмъ былъ другъ“.

Похвала оригинальная и большая, но такія фразы едва ли не произносятся при погребеніи всѣхъ умершихъ на основаніи той истины, что *de mortibus aut bene, aut nihil*.

Впрочемъ, по многимъ даннымъ, можно заключить, что баронъ Сергѣй Григорьевичъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ съ хорошимъ направленіемъ и добрыми свойствами; главное достоинство для его потомковъ заключается въ томъ, что онъ основалъ галерею, которая съ того времени и начала наполняться разными рѣдкостями; воспиталъ въ добрыхъ началахъ сына своего, что неизменно отразилось и на потомкахъ сего послѣдняго; наконецъ, скажемъ, что онъ жилъ съ большою пышностію, поддерживалъ величіе двора, а балы, даваемые имъ, описывались даже въ иностранныхъ газетахъ своего времени.

Среди царедворцевъ и лицъ, стоявшихъ у кормила правленія, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, едва-ли не первое мѣсто занималъ канцлеръ графъ Михаилъ Илларионовичъ Воронцовъ. Родился онъ 12 іюля 1714 года, и на пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ началъ службу свою, при великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ званіи камеръ-юнкера, потомъ въ 1741 году онъ участвовалъ, вмѣстѣ съ другими, въ возведеніи ея на престолъ. По этому поводу рассказываютъ еще, что Воронцовъ, сопровождая царевну Елисавету въ гренадерскую роту Преображенскаго полка, предоставилъ ей, для сей поѣздки, свои сани. Участіе его въ возведеніи Елисаветы на престолъ, а равно женитьба его на двоюродной сестрѣ императрицы, Аннѣ Карловнѣ

Скавропской, поставили его во главѣ тогдашняго правительства и приблизили лично къ особѣ ея величества.

Опъ имѣлъ дочь, по имени Анну, родившуюся въ 1743 г.; въ эпоху описываемого нами времени она имѣла около 14 лѣтъ отъ роду. Она была крестница императрицы Елисаветы и наследника престола великаго князя Петра Ѳедоровича. Молодая графиня Анна Михайловна, по свидѣтельству современниковъ, въ томъ числѣ и барона Александра Сергѣевича, отличалась воспитаніемъ, красотой и всѣми добрыми качествами нѣжной души.

Впослѣдствіи, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, по описанію бывшаго тогда при дворѣ нашемъ англійскаго посланника Сэра Джерси Макартнея, графиня Анна Михайловна развилась еще болѣе и слыла очаровательнѣйшею женщиною своего времени. Такъ она, въ числѣ прочихъ красавицъ временъ Петра III, служила украшеніемъ его двора, и графъ Никита Ив. Панинъ, по свидѣтельству того-же посла, не смотря на свои почтенные годы, былъ безъ ума отъ графини Анны; но тѣмъ не менѣе она, какъ увидимъ впослѣдствіи, была несчастнѣйшею женщиною въ мірѣ.

Чтобы отклонить неодобрительные современные отзывы о графинѣ Аннѣ, появившіеся по ея смерти, и чтобы доказать, что Александръ Сергѣевичъ ее любилъ, мы приведемъ въ подлинникѣ письмо его самаго. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ своему бывшему наставнику, Саразо, въ Женеву, въ 1757 г.,—онъ такъ описываетъ графа Воронцова, его жену и дочь ихъ, графиню Анну.

— „Вице-канцлеръ графъ Воронцовъ былъ искренній другъ покойному моему отцу. У него я имѣлъ случай видѣть и полюбить молодую дочь его, графиню Анну; отецъ ея и мать, олицетворенная доброта, справедливость и благородство, и всѣ эти качества открыто выражаются на ихъ благородныхъ лицахъ. Графъ Михаилъ, можетъ быть, есть единственный вельможа въ Россіи, который во всю свою жизнь не сдѣлалъ никому зла. Всѣ его уважали и почитали, что чрезвычайно трудно достигнуть на занимаемомъ имъ мѣстѣ; что же касается до той, которую я люблю, то ей всего около 14 или 15 лѣтъ и ко всѣмъ качествамъ ея ума и красоты нужно присоединить еще и прекрасное воспитаніе. О! восклицалъ Александръ Сергѣевичъ, я самый счастливый человѣкъ въ мірѣ!“

Печальное извѣстіе о смерти отца своего, послѣдовавшей

30 сентября 1756 года въ С.-Петербургѣ, Александръ Сергѣевичъ получилъ на пути своемъ изъ Парижа въ Голландію.

III.

Со смертію отца скорое возвращеніе его въ Россію потеряло значеніе и онъ началъ ходатайствовать чрезъ графа Ив. Ив. Шувалова о дозволеніи ему остаться еще нѣкоторое время за границею, для усовершенствованія себя, какъ онъ говорилъ, въ наукахъ.

Въ то время путешествовали за границею князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и Иванъ Ивановичъ Бецкій.

Просьба Строгонова, однако-жъ, не была уважена, ибо императрица Елисавета Петровна приказала, 17-го января 1757 г., объявить ему, чтобы онъ немедленно возвратился въ отечество, куда онъ и прибылъ 23-го іюля 1757 г., направивъ свой путь прямо въ Петергофъ, гдѣ въ то время пребывалъ дворъ.

Въ день своего приѣзда онъ представлялся императрицѣ. При семъ случаѣ императрица съ горестью и соболѣзнованіемъ вспоминала о его отцѣ.

Вообще, по словамъ Александра Сергѣевича, она приняла его со слезами на глазахъ, какъ нѣжная мать, находившаяся долго въ разлукѣ съ своимъ сыномъ.

Въ то же время она заявила, чтобы онъ постоянно оставался при ней въ Петергофѣ, слѣдовалъ-бы за нею во всѣхъ ея путешествіяхъ и прогулкахъ и ежедневно находился при ея обѣденномъ столѣ.

Комнаты, отведенныя ему во дворцѣ, находились рядомъ съ отдѣленіемъ, которое занимало семейство вице-канцлера Воронцова.

Молодость барона Александра Сергѣевича, воспитаніе и манеры, усвоенныя имъ за границею при европейскихъ дворахъ, и, наконецъ, природная острота ума дѣлали его весьма интереснымъ женихомъ, равнымъ образомъ очарованіе, которое проявляла собою молодая графиня, — все это невольно сблизило нашихъ молодыхъ людей. Впрочемъ, сближеніе это было слѣдствіемъ дружескихъ отношеній родителей ихъ. Сочувствіе это, при заявленномъ согласіи императрицы и графа Михаила Илларионовича

на бракъ ихъ, — укрѣпило намѣреніе барона и графини, и они дали слово принадлежать другъ другу.

Въ подтвержденіе того, что Александръ Сергѣевичъ уже въ молодыхъ лѣтахъ обращалъ на себя вниманіе современниковъ, мы приведемъ три письма, писанныя къ отцу его, — одно барона Карла Ефимовича Сиверса изъ Венеціи, другое отъ нашего повѣреннаго въ Парижѣ Бехтѣева, а третье — отъ нашего посла въ Лондонѣ, графа Петра Григорьевича Чернышева.

Первый писалъ: „по приѣздѣ моемъ въ Венецію, сынъ вашъ тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу, съ выраженіемъ такой радости, которую я и изъяснить не могу. Долго мы не могли перестать цѣловать другъ друга. При семъ засвидѣтельствовать могу, что сынъ вашъ искуснымъ учинилъ себя въ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и италіянскомъ, на которыхъ онъ для меня и толмачить.

„Черезъ него я познакомился со всѣми здѣшними учеными и нельзя не замѣтить того, что онъ всѣми любимъ и подлинно онъ того своими поступками довольно заслуживаетъ. Вы не повѣрите, какое для меня удовольствіе доставило свиданіе съ вашимъ сыномъ!“

Въ томъ-же смыслѣ писалъ и Бехтѣевъ. Онъ объяснялъ отцу, что Александръ Сергѣевичъ приобрѣлъ въ Парижѣ честное о себѣ мнѣніе, между знатными, и что желательно было-бы, чтобы всѣ россияне въ чужихъ краяхъ приобрѣли столько славы, сколько онъ.

Но самымъ вѣщимъ доказательствомъ объ отличномъ воспитаніи и образованіи Александра Сергѣевича служитъ письмо къ его отцу отъ графа Петра Григорьевича Чернышева, 2-го августа 1752 года, изъ Ганновера, гдѣ въ то время пребывалъ англійскій дворъ.

— „Въ бытность здѣсь вашего сына, такъ писалъ графъ Чернышевъ, я его какъ королю, такъ и знатнѣйшимъ персонамъ обоого пола представлялъ. Мы ежедневно были вмѣстѣ. Вамъ съ особымъ удивленіемъ сказать могу, что воспитанію его, учтивости и персональнымъ качествамъ всѣ должную похвалу воздали, — сіе вамъ достойную честь дѣлаетъ, что вы своимъ отеческимъ попеченіемъ и стараніемъ такъ его возростили. Право, я не нарадовался, слыша отъ него о имѣющихся у него уже въ

наукахъ добрыхъ принципіяхъ и здравыхъ разсужденіяхъ. Я о вышеописанномъ вамъ для того такъ распространяюсь, ибо разсуждаю по себѣ и мню, что вамъ, яко доброму отцу, индифферентно быть не можетъ, и симъ прошу васъ токмо содержать меня въ старой своей дружбѣ и вѣрить мнѣ, что я всегда съ подобными сентиментами и почтеніемъ имѣю честь быть несомнѣнно“.

Чтобы ближе познакомиться съ молодымъ барономъ Александромъ Сергѣевичемъ, необходимо прочесть письма его изъ заграницы, извлеченіе изъ которыхъ мы и дѣлаемъ въ особомъ приложеніи.

Обращаемся къ его жизни. Молодость жениха и невѣсты, богатство, знатность, ихъ родственныя отношенія къ самой императрицѣ и ея благоволеніе по сему случаю, все, казалось, было залогомъ будущаго ихъ счастья.

Въ доказательство-же того, что желаніе на бракъ Александра Сергѣевича съ Анной Михайловной было не плодомъ только сердечнаго увлеченія, но зрѣлаго обсужденія, мы приведемъ письмо его отъ 7-го августа 1757 года къ дядѣ его, жившему въ Москвѣ, Николаю Григорьевичу Строгонову — слѣдующаго содержанія:

— „По многомъ разобраніи нынѣшнихъ моихъ обстоятельствъ, я, наконецъ, принялъ намѣреніе ссыскать себѣ сходствующую партію и опредѣлить себя закону супружества, въ чемъ и преуспѣлъ. На сихъ дняхъ я помолвился на дочери его сіят. графа Михаила Илларионовича, на что и высочайшее ея величества соизволеніе послѣдовало; все это и ея величеству было угодно. По моему мнѣнію, партія такъ хороша, что лучше и желать нельзя. При томъ я ласкаю себя тѣмъ, что мое избраніе и вамъ можетъ быть угодно“.

Обрученіе молодыхъ назначено было на 5-е сентября 1757 г., но такъ какъ въ этотъ день приходился праздникъ тезоименитства государыни, то время обрученія отложено было на 20-е сентября, — день рожденія великаго князя Павла Петровича.

Изъ писемъ Александра Сергѣевича къ разнымъ его роднымъ видно, что императрица въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ молодыхъ принимала самое нѣжное участіе. Такъ, узнавъ, что Александръ Сергѣевичъ приготовилъ для себя обручальный перстень

своего отца, — она тотчасъ приказала приготовить ему другое кольцо на томъ основаніи, какъ она говорила, что покойный его отецъ слишкомъ мало жилъ съ своею супругою; но это не совсѣмъ удовлетворяло Александра Сергѣевича и онъ писалъ къ своему управляющему, говоря, что хотя означенное распоряженіе государыни и выказываетъ, что она его любитъ, но, однако-же, это вводитъ его въ новый расходъ, посему онъ приказывалъ ссыскать ему другой перстень, не менѣе 3-хъ тысячъ рублей.

Приготовленіе къ свадьбѣ сопровождалось большими расходами, такъ что Александръ Сергѣевичъ прибѣгнулъ къ дядѣ Николаю Григорьевичу, прося у него въ долгъ 20 т. р., но дядя могъ ему ссудить только 5 т. р.

Самое обрученіе совершилось въ назначенный день, именно 20-го сентября 1757 года, а вѣнчаніе происходило 18-го февраля слѣдующаго за симъ 1758 года.

Въ ознаменованіе сего дня, женихъ получилъ званіе „дѣйствительнаго камеръ-юнкера“.

Въ тотъ-же день вѣнчались съ нимъ: Марина Осиповна Закревская со Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, а также Марія Романовна Воронцова съ Петромъ Александровичемъ Бутурлинымъ.

Молодость дѣвицъ вѣнчавшихся подала поводъ глазѣвшей на нихъ вѣтренной публикѣ болтать о томъ, кто изъ сихъ юныхъ женъ первая окажется виновною, по отношенію своего мужа.

Острота эта весьма нескромная, пущенная въ ходъ, кажется, молодыми дипломатами, бывшими тогда при нашемъ дворѣ, была весьма распространена въ свое время въ Петербургѣ.

Объ этой остротѣ даже Екатерина II упоминаетъ въ своихъ запискахъ, говоря, что нѣкоторые придворные даже держали пари за нашу молодую графиню Анну Воронцову и выиграли въ томъ отношеніи, что она, не смотря на свою молодость и некрасивую (?) наружность, прежде всѣхъ оказалась виновною, какъ супруга своего мужа.

Мы имѣемъ основаніе не довѣрять ни слухамъ, какъ относящимся къ вымыслу празднои молодежи, ни запискамъ Екатерины II, составленнымъ ею гораздо позже того времени, когда послѣдовали самыя событія, притомъ Екатерина, вступивъ на

престоль, не могла сочувственно относиться къ дочери канцлера, которая держалась партіи Петра III.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что молодые супруги Строгоновы начали жить хорошо, во всемъ довольствѣ и любовно.

Но событія государственной важности мѣнялись быстро, а съ ними разрушались и отношенія частныхъ лицъ, а въ томъ числѣ и супружескія связи.

25-го декабря 1761 года умерла покровительница Воронцовыхъ—императрица Елисавета Петровна, за нею вступилъ на престоль Петръ III, а при немъ вся тяжесть государственнаго управленія пала на канцлера Михаила Илларионовича Воронцова.

Царствованіе Петра III продолжалось только 6 мѣсяцевъ, и 28-го іюня 1762 года на всероссійскій престоль всходитъ императрица Екатерина II. Само собою разумѣется, что, съ устраненіемъ отъ престола Петра III, удаленъ былъ и вѣрный ему князь Воронцовъ.

По сему поводу рассказываютъ, что когда до Петра III достигли слухи о замыслахъ Екатерины, то Воронцовъ изъ Петергофа посланъ былъ имъ къ ней въ Петербургъ, съ цѣлью призвать ее къ повиновенію. Воронцовъ, прибывъ на мѣсто и увидавъ на площади Казанскаго собора, что войска признали уже Екатерину самодержицею Всероссійскою, тѣмъ не менѣе, онъ порученіе своего государя, коему присягалъ на вѣрность, честно и вѣрно-подданнически исполнилъ.

Требованіе его было отвергнуто, самъ онъ былъ задержанъ, и о неуспѣхѣ своего порученія ему дозволено было писать въ Петергофъ. Подробности сіи не совсѣмъ согласны съ другими источниками объ этомъ времени; всѣ единогласно утверждаютъ, что присягу на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ II Воронцовъ не прежде совершилъ, какъ по обнародованіи манифеста о смерти императора Петра III.

Такія высокія качества Воронцова Екатерина II не могла не признать, тѣмъ не менѣе, вліяніе его на дѣла государства пало, а съ нимъ вмѣстѣ утратилось и расположеніе ея къ фамиліи его, въ томъ числѣ и къ Аннѣ Михайловнѣ Строгоновой.

Мужъ ея, Александръ Сергѣевичъ, во время царствованія Петра III, принадлежалъ къ партіи его супруги, т. е. Екатерины II.

Правда, ставясь на сторону государыни, Александръ Сергѣевичъ ничѣмъ гласно не выражалъ участія своего въ этой партіи; но съ того времени, когда она сдѣлалась самодержавной императрицей, тутъ уже не было мѣста въ выборѣ: онъ всецѣло предался ей и остался ея другомъ на всю ея жизнь.

Но супруга его, Анна Михайловна, была не въ томъ положеніи: по своимъ прежнимъ отношеніямъ ко двору Петра III, какъ крестница его, и по отношеніямъ къ двоюродной сестрѣ своей Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой (Полянская, † 2-го февраля 1792 года), которая, какъ извѣстно, была фавориткой Петра III, и съ коей онъ думалъ даже обвиняться, Анна Михайловна не могла не принадлежать къ его партіи; отношенія эти были послѣдствіемъ всей ея жизни, со дня ея рожденія. Правду скажемъ, что партія эта, да и вообще все общество того времени, не отличалась скромностью.

Нравы были далеко не строги. Притомъ около Петра III, въ послѣдніе дни его царствованія, вращалась цѣлая вереница красавицъ; въ числѣ ихъ была Анна Михайловна Строгонова и ея мать Анна Карловна Воронцова, рожденная Сьавронская, и многія другія, а въ томъ числѣ и графиня Брюссъ, извѣстная своимъ легкимъ поведеніемъ.

Кавалеры тогдашняго времени, слѣдуя духу вѣка, не заявляли протеста противу легкости нравовъ прекрасной половины человѣческаго рода, да и мудрено было имъ заявлять, ибо сами были виновниками этой распушенности.

Всѣмъ этимъ мы хотимъ сказать, что нравы второй половины XVIII вѣка исключали возможность супругамъ упрекать другъ друга въ легкости поведенія и что баронесса Анна Михайловна, находясь среди общества и лицъ, ликующихъ и ведущихъ свою жизнь по образцу, даваемому свыше и старѣйшими по лѣтамъ, едва ли подлежитъ какому либо обвиненію.

При такомъ состояніи общества не мудрено, что съ противнаго лагеря, центромъ коего была Екатерина Алексѣевна, разносились и оглашались по городу С.-Петербурга многіе рассказы про красавицъ, бывшихъ въ кликѣ Петра III.

Будемъ справедливы и скажемъ, что и противная ей партія ничѣмъ не стѣснялась и жила свободно, не обращая никакого вниманія на толки.

Во всякомъ случаѣ, между молодыми супругами Строгоновыми, съ воцареніемъ Екатерины II, обнаружилась политическая рознь, поддерживаемая тѣми, кому это было полезно и нужно.

Послѣдствіемъ сего явились взаимныя обвиненія, жалобы, а за ними огласились и скандальныя анекдоты, можетъ быть измышленные, но въ концѣ концовъ возникла мысль и о разводѣ. Каждая изъ сторонъ оправдывала себя и обвиняла другую, и въ такомъ видѣ все это дошло и до насъ.

Такъ, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г. напечатано было письмо графа Михаила Воронцова, тестя Строгонова, къ князю Голицыну.

Въ этомъ письмѣ онъ выражаетъ крайнее свое огорченіе и печаль по поводу того, что его любимая дочь Анна, вышедшая замужъ за Строгонова, совершенно несчастна и что онъ, графъ Воронцовъ, ошибся въ зятѣ своемъ.

Съ другой стороны извѣстно, что онъ, Строгоновъ, подавалъ императрицѣ просьбу, домогаясь развода и указывая на какіе-то поступки, совершенные будто бы его женою въ Петергофѣ.

Но императрица, въ виду своего родства съ Строгоновыми, отклонила отъ себя это дѣло, предоставивъ Александру Сергѣевичу обратиться по сему предмету по порядку, т. е. къ суду духовному.

Впрочемъ, при этомъ государыня заявила, что для нея совершенно безразлично, будетъ ли графиня Воронцова носить фамилію Строгоновой или сохранить свое прежнее имя. Въ этихъ словахъ высказывается какое то нерасположеніе императрицы къ несчастной Аннѣ Михайловнѣ; это нерасположеніе было результатомъ историческихъ событій.

Все изложенное заимствовано нами частію изъ собственноручнаго письма Екатерины, отъ 2 декабря 1764 г., къ графу М. Воронцову, напечатанному въ „Историческомъ Сборникѣ“, томъ VII, стр. 395, а частію изъ другихъ источниковъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1764 г. супруги разъѣхались и графиня Анна переехала въ домъ родителей своихъ, что нынѣ Царскій корпусъ.

Было ли заведено между супругами формальное дѣло о разводѣ и было ли оно кончено, мы достоверно не знаемъ, вѣрнѣе, что нѣтъ, но скажемъ, что 13 февраля 1767 года, въ Москвѣ,

умираетъ ее отецъ, а 21 февраля 1769 года, въ Петербургѣ, пресѣклась жизнь, скоростижною смертію, Анны Михайловны Строгоновой.

Пережившая ее мать Анна Карловна и всѣ близкіе къ ней и въ особенности двоюродный братъ Анны Михайловны, Семень Романовичъ Воронцовъ, впадаютъ въ совершенное отчаяніе.

Все это свидѣтельствуесть, что ее любили, сочувствовали ей несчастію и оплакали преждевременную ее кончину.

Могила ея въ Невской лаврѣ украшена памятникомъ съ слѣдующею надписью:

„Въ нѣдрахъ Авраамлихъ почившей графинѣ Аннѣ Михайловнѣ Строгоновой, урожденной графинѣ Воронцовой, благоправія, любви и почтенія къ родителямъ наполненной, скончавшейся въ цвѣтущей молодости на 27 г. возраста своего скоростижно, не оставя по себѣ потомства, несчастная мать, вдова графиня Анна Воронцова, неутѣшно оплакивая такую кончину, положила. Лѣта отъ Р. Х. 1769 г. февраля 21“.

Прибавимъ къ этому, что сама мать умерла въ Петербургѣ 31 декабря 1775 года, переживъ свою дочь на 6 лѣтъ.

Какъ отнесся къ преждевременной смерти своей супруги Александръ Сергѣевичъ, мы не знаемъ, но скажемъ, что въ то время, когда она выѣхала изъ его дома и когда онъ замыслилъ бракоразводное дѣло, мысли его остановились уже на княжнѣ Екатеринѣ Петровнѣ Трубецкой. Это была дочь князя Петра Никитича Трубецкаго и супруги его, Натальи Васильевны, рожденной Хованской.

Точнаго указанія времени сего поваго брака мы не знаемъ, но естественно думать, что оный послѣдовалъ послѣ смерти графини Анны Михайловны и не позже 1773 года, такъ какъ въ слѣдующемъ за симъ году отъ этого брака явились уже дѣти.

Вслѣдъ за вѣнчаніемъ, супруги уѣхали на продолжительное время за границу. Въ 1778 году они были еще въ Парижѣ.

Вогъ къ этому времени или нѣсколько позже слѣдуетъ отнести покупку Александромъ Сергѣевичемъ многихъ картинъ для своей галлерей.

Молодые супруги объѣхали всю Европу и побывали вездѣ тамъ, гдѣ Александръ Сергѣевичъ просвѣщалъ себя и изучалъ науки; не забылъ, разумѣется, и Женевы, которая въ особенности осталась у него въ памяти.

Тутъ они посѣтили въ Фернеѣ тамошняго мудреца Вольтера. 7 іюня 1774 года у гр. Строгонова родился сынъ Павелъ,—была еще и дочь Наталія, но она умерла въ молодыхъ лѣтахъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ своего существованія.

При полномъ довольствѣ и вообще общественной и семейной обстановкѣ и при испытанномъ горѣ Александромъ Сергѣевичемъ въ первомъ бракѣ, — казалось бы, новое его супружеское положеніе ничѣмъ не могло быть потрясено, но увь и въ этомъ новомъ бракѣ онъ не избѣгнулъ тяжкаго несчастія.

Послѣдовала измѣна его супруги и измѣна не гадательная, не плодъ свѣтской болтовни толпы, любящей всякій скандалъ, — нѣтъ, но настоящая измѣна, во всей ея наготѣ и со всѣми ея печальными послѣдствіями.

Въ 1779 году, при дворѣ императрицы Екатерины, на высотѣ случайнаго величія фаворита былъ нѣкто по имени Иванъ Николаевичъ Корсаковъ. Въ чинѣ генерала, онъ былъ красивъ по своей наружности, родомъ изъ Малороссіи, любилъ музыку и пѣніе и обладалъ отличнымъ голосомъ.

Въ описываемое время Корсакову было не болѣе 24 лѣтъ отъ роду.

По любви его къ музыкѣ и пѣнію, Екатерина прозвала Корсакова Пирромъ, царемъ Епирскимъ, и однажды, разговаривая съ Орловымъ о Корсаковѣ, сказала, что онъ поетъ какъ соловей.

— Это правда, отвѣчалъ Орловъ, но извѣстно, что соловьи поютъ только до Петрова дня.

Замѣчаніе Орлова—весьма тонкое: оно какъ бы указывало на временное величіе Корсакова, что на самомъ дѣлѣ и сбылось. Замѣчательно то, что Екатерина II, увлекаясь вообще прекраснымъ, въ области живописи, ваянія и архитектуры, не любила однако-жъ, музыки и откровенно въ томъ сознавалась, говоря, что она желала бы слушать, но что для нея всякая музыка не болѣе, какъ шумъ. Впрочемъ, описывая царя Епирскаго и разумѣя подъ нимъ Корсакова, Екатерина говоритъ, что когда онъ заиграетъ на скрипкѣ, собаки его слушаютъ, а когда онъ запоетъ—птицы прилетаютъ внимать ему, какъ Орфею. Онъ, по словамъ Екатерины, свѣтитъ какъ солнце и вокругъ себя разливаесть

сіяніе, и при всемъ этомъ ничего женоподобнаго, напротивъ, все въ немъ въ высшей степени мужественно!

Все это мы приводимъ въ доказательство того, что Екатерина въ Корсаковѣ видѣла какое-то совершенство. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1779 года расположеніе ея къ Корсакову доходило до обожанія. Ему она писала письма, удостоивая названія друга, его нетерпѣливо она ждала, вытѣкала ему на встрѣчу, скучала безъ него, увѣряла его въ чистосердечной и неизмѣнной привязанности и, наконецъ, убѣждала его беречь себя для счастья той, которая его любитъ.

Однимъ словомъ, казалось, что преданность и чувства повелительницы къ Корсакову были сердечны, искренни и неизмѣнны. („Р. А.“ 1881 г., тетрадь III, стр. 402).

И вдругъ, въ виду такихъ чувствъ, Корсаковъ измѣнилъ и погубилъ и себя, и баронессу Екатерину Петровну Строгонову.

Молодая ли баронесса увлекла Корсакова, или онъ самъ очаровалъ ее—не знаемъ, но въ концѣ концовъ связь ихъ была замѣчена и доказана.

Гнѣвъ противу виновныхъ былъ великъ!...

Влюбленные, какъ говорили, были подвергнуты наказанію... Засимъ Корсаковъ долженъ былъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1779 г., поспѣшно удалиться въ Москву, гдѣ и остался до самой своей смерти, и за нимъ отправилась и баронесса Екатерина Петровна, не скрывая уже предъ свѣтомъ своей незаконной связи.

Человѣкомъ въ случаѣ при дворѣ является А. Д. Ланской...

Разсказывая объ очищеніи влюбленныхъ наказаніемъ, мы должны оговориться въ томъ, что письменныхъ указаній о печальномъ семъ событіи мы не имѣемъ, но объ этомъ слышали какъ отъ нѣкоторыхъ лицъ Строгоновской фамиліи, отошедшихъ уже въ вѣчность, такъ и отъ потомковъ, происшедшихъ отъ союза Корсакова съ Строгоновою,—Ладомирскихъ, о коихъ рѣчь будетъ впереди.

Впрочемъ, тѣлесное наказаніе, безъ особаго стѣсненія, практиковалось во второй половинѣ XVIII вѣка почасту. Въ особенности этому подвергались барыни, не умѣвшія держать языкъ за зубами.

Нѣкоторые анекдоты по сему случаю разсказывалъ сенаторъ Григорій Петровичъ Митусовъ, умершій въ 1871 году; онъ

былъ женатъ на дочери извѣстнаго въ свое время Степана Ивановича Шешковскаго († 12 мая 1794 г.), бывшаго начальникомъ тайной канцеляріи.

Само собою разумѣется, что подобное тѣлесное наказаніе, въ настоящее время, позорило бы того, кто оному подвергся, но въ то время, когда воля и личный произволъ властей, ничѣмъ не стѣсняемые, были превыше законовъ божескихъ и человѣческихъ, подобныя истязанія не безчестили истязуемыхъ.

Впрочемъ, слѣдуетъ уразумѣть, что нашими глазами и съ теперешними понятіями нельзя разсматривать дѣянія минувшихъ временъ.

Положеніе Александра Сергѣевича, какъ супруга жены, увлекшейся случайнымъ фаворитомъ, было весьма затруднительное.

Онъ долженъ былъ, хотя по наружности, предъ лицомъ Екатерины II, скорбѣть не столько о себѣ, сколько о той, которой измѣнилъ Корсаковъ.

Супруги разстались, семейная жизнь ихъ была порвана. По волѣ судьбы, онъ на 46 году своей жизни сдѣлался ни вдовымъ, ни женатымъ.

При немъ осталась дочь Наталія и сынъ Павелъ, коему отъ роду было около 5 лѣтъ.

Изложивъ все это, скажемъ истину, что не будь замѣшана въ это дѣло Екатерина или, другими словами, не будь задѣто здѣсь ея женское самолюбіе, дѣло Екатерины Петровны Строгоновой не получило бы такой огласки въ потомствѣ и отношенія супруговъ, можетъ быть, снова возстановились и она осталась бы въ семьѣ.

Александръ Сергѣевичъ не злобно отнесся къ проступку своей жены. Онъ предоставилъ ей для жительства въ Москвѣ большой свой домъ съ роскошною обстановкою, и, кромѣ сего, отдалъ ей подъ Москвою имѣніе подъ названіемъ сельцо Братцово. Независимо отъ сего, она во всю свою жизнь получала отъ А. С. Строгонова определенное крупное денежное содержаніе.

Въ Братцовѣ устроенъ былъ для нея прелестный домъ, среди живописнаго парка, переполненнаго прудами.

Тутъ она со всею подобающею роскошью для Строгоновской фамиліи принимала прѣзжавшую къ ней изъ Москвы аристо-

кратическую публику, вовсе не скрывая своихъ отношеній къ Корсакову.

Отъ этой связи у нихъ родился сынъ, коему дали имя Василій Николаевичъ Ладомирскій.

Кажется, славянской Богъ любви Ладо игралъ не маловажную роль въ присвоеніи ему такой фамиліи.

Впослѣдствіи времени Ладомирскій сопричисленъ былъ къ дворянамъ и получилъ отъ Корсакова большія имѣнія въ Черниговской губерніи: м. Семеновка—Новозыбковскаго уѣзда и Гремячъ—Новгородсѣверскаго.

Само собою разумѣется, что сіи имѣнія — суть дары отъ щедротъ императрицы Екатерины, — поступившія къ нему до отчисленія его изъ числа случайныхъ фаворитовъ.

Сельцо Братцово тоже поступило въ родъ Ладомирскихъ.

Въ срединѣ 1840-хъ годовъ Ладомирскій сначала былъ дворяниномъ Московской губерніи, а потомъ состоялъ долгое время въ должности черниговскаго губернскаго предводителя дворянства, имѣлъ трехъ сыновей: Василія, Николая и Петра, и двухъ дочерей, изъ коихъ одна, Зинаида, вышла замужъ за князя Д. М. Голицына, а другая Софія—за графа А. А. Апраксина.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 года, въ X тетради, помѣщена статья г-жи Павловой, весьма интересная для нашего очерка.

Г-жа Павлова рассказываетъ, что она видѣла Е. П. Строгонову въ 1812 и 1814 годахъ, пользовавшеюся въ то время, по мужу, уже титуломъ графини.

Въ первый разъ она видѣла ее въ Ярославлѣ, куда, въ виду пашествія Наполеона, все состоятельное население Москвы бѣжало.

По описанію Павловой, графиня Строгонова была маленькая, скорченная старушка, съ лицомъ до крайности живымъ, но иссохшимъ.

Она принимала гостей, сидя въ кровати, обставленной подушками, въ кружевномъ чепцѣ, украшенномъ лентами яркихъ цвѣтовъ. Ногами она не владѣла, но умъ ея сохранилъ всѣ свои способности; говорила она много и съ живостію, любила въ особенности вспоминать о своемъ пребываніи въ Парижѣ, до первой революціи.

При этомъ, по словамъ Павловой, она рассказывала съ особымъ удовольствіемъ о визитѣ своемъ Вольтеру въ Фернеѣ.

Сей послѣдній, возвращаясь съ своей обычной прогулки и встрѣтивъ у себя ее въ домѣ, сказалъ: „Ah, madame, quel beau jour pour moi: j'ai vu le soleil et vous“.

Въ параллель съ житьемъ въ Ярославлѣ, г-жа Павлова описываетъ пребываніе графини Строгоновой и въ селѣ Братцовѣ.

Сюда, по словамъ ея, пріѣзжало много изъ Москвы; общество было, разумѣется, самое аристократическое; принимала она здѣсь тоже въ великолѣпной кровати на стеклянныхъ подставкахъ, съ шелковыми занавѣсками; по словомъ Павловой, графиня чрезвычайно боялась грома, и вотъ, въ видахъ изолированія отъ пола кровати, сія послѣдняя была на стеклянныхъ ножкахъ. Причемъ, въ подтвержденіе того, что графиня Строгонова была женщина въ высшей степени эгоистическая, г-жа Павлова рассказываетъ одно типичное ея восклицаніе.

Чтобы понять смыслъ сего восклицанія, нужно знать слѣдующее: отъ брака съ Александромъ Сергѣевичемъ Екатерина Петровна, какъ сказано было выше сего, имѣла сына Павла, а у сего послѣдняго, въ свою очередь, былъ сынъ Александръ.

Сынъ этотъ, находясь на 19 году своего рожденія съ отцемъ своимъ въ сраженіи при Краонѣ, въ 1814 году 23 февраля, во Франціи, былъ убитъ, на глазахъ отца, пушечнымъ ядромъ въ голову.

Вотъ когда эта печальная вѣсть достигла до графини Екатерины Петровны, то она, не смотря на то, что была бабушкой убитаго и мать оставшагося въ живыхъ графа Павла, не проронивъ ни одной слезинки и не выразивъ никакой печали и скорби, только воскликнула: Ah, le pauvre enfant, comme je suis contente de ne pas l'avoir connu, въ переводѣ такъ: ахъ, бѣдное дитя, какъ я довольна тѣмъ, что его никогда не знала.

Фраза эта, преисполненная безсердечія, холодности души, можетъ быть объяснена только совершеннымъ отлученіемъ ея отъ семьи Строгоновыхъ.

Въ рассказѣ Павловой есть еще одно обстоятельство, которое нельзя упустить изъ нашего очерка. По описанію ея, въ с. Братцовѣ съ особою предупредительностію и почестями встрѣчали всегда Ивана Николаевича Корсакова. Еще бы! Важный видъ его поражалъ Павлову. Зная, что онъ когда-то славился красотою, она, Павлова, невольно возымѣла дурное мнѣніе о вкусѣ

того времени, когда онъ слылъ красавцемъ. Такъ, Корсаковъ представлялся ей изсохшею и совершенно певзрочною фігурою. Вспомнимъ, что исключеніе Корсакова изъ случайныхъ фаворитовъ произошло въ октябрѣ мѣсяцѣ 1779 г., а описываемое Павловой время относится къ 1814 г.,—разница на 35 лѣтъ человѣческой жизни,—періодъ слишкомъ продолжительный и не мудрено, что Корсаковъ пересталъ пѣть соловьемъ, какъ предрекъ ему Орловъ, а изъ красавца превратился въ изсохшую, хотя и важную, фігуру; Екатерина же Петровна, въ свою очередь, изъ молодой прелестной женщины сдѣлалась скорченною старушкою и, въ довершеніе бѣдствія, не владѣла ногами.

Впрочемъ, Корсаковъ, не смотря на то, что былъ развѣнчанъ изъ случайныхъ фаворитовъ въ простые смертные, долго еще не покидалъ своей напускной важности и жители Москвы каждый разъ съ изумленіемъ глядѣли, когда Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, въ каретѣ, украшенной гербами, цугомъ, съ лакеями безъ числа, переѣзжалъ чрезъ городъ въ с. Братцово.

Незадолго до его смерти, послѣдовавшей въ 1831 году, А. С. Пушкинъ часто посѣщалъ Корсакова въ Москвѣ, допытываясь отъ него о временахъ Екатерины.

Спустя 30 лѣтъ послѣ описываемаго нами времени, кажется въ 1841 году, въ Братцовѣ жилъ съ своимъ семействомъ лѣтомъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоповъ, попечитель московскаго университета; жена его, графиня Наталія Павловна, приходилась по отцѣ внучкою графини Екатерины Петровны.

Въ то время на стѣнѣ одной изъ комнатъ Братцовскаго дома висѣлъ портретъ графа Александра Сергѣевича, работы Ламни, какъ будто говоря этимъ, что и онъ былъ здѣсь когда-то не чуждымъ человѣкомъ.

Другая стѣна той-же комнаты украшена была портретомъ Екатерины II, представляющій ее верхомъ на лошади, по-мужски, въ бѣлыхъ лосиновыхъ панталонахъ и въ ботфортахъ.

Изображеніе ея какъ-бы указывало на то, что и она въ семейной драмѣ Строгоповской фамиліи была также не чужда, а въ сосѣдней комнатѣ стояла и была въ совершенной цѣлости кровать, на которой 30 лѣтъ предъ симъ больная Екатерина Петровна принимала своихъ гостей, подъ именемъ графини Стро-

гоповой, не принадлежа уже ни душею, ни жизнью къ этой фамиліи.

Не вдалекѣ отъ главнаго Братцовскаго дома находится церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, а въ ней надгробный памятникъ, свидѣтельствующій о томъ, что подъ нимъ упокоился на вѣчныя времена Иванъ Николаевичъ Корсаковъ.

Все это какъ будто выражаетъ извѣстную истину: *Sic transit gloria mundi*.

На памятникѣ начертана слѣдующая надпись:

„Господи, упокой душу раба твоего Іоанна.

Здѣсь погребено тѣло генераль-маіора, дѣйствительнаго камергера и разныхъ орденовъ кавалера, Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова, скончавшагося 1831 года, февраля 16-го дня, на 76 году своей жизни.

Благодѣтелю незабвенному“.

Изслѣдованіе о томъ, почему Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, носившій такое названіе при дворѣ въ 1779 году, на надгробномъ памятникѣ значится подъ именемъ Римскаго-Корсакова, не входитъ въ предѣлы нашей статьи.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоповъ, живя въ с. Братцовѣ и смотря на нѣмные памятники прежнихъ событій, припомнилъ всю драму, постигшую его фамилію.

Впрочемъ, намъ извѣстно, что онъ старался выручить портретъ дѣда своей жены покупкою отъ Ладомирскихъ, но, кажется, не успѣлъ.

Въ 1860 году село Братцово посѣтилъ и провелъ здѣсь нѣсколько дней пишущій эти строки.

Видъ описанныхъ нами остатковъ прежней жизни бывшихъ тутъ людей и знаніе многихъ обстоятельствъ, относящихся до Строгоповской фамиліи, подвинуло его къ написанію настоящей статьи.

Правда, съ того времени прошло много лѣтъ, по лучше поздно, чѣмъ никогда.

Во время пребыванія въ с. Братцовѣ графа Сергѣя Григорьевича съ нимъ случилось тутъ несчастіе.

Катаясь верхомъ на лошади и перепрыгивая чрезъ небольшую капавку, онъ упалъ и сломалъ себѣ ногу.

Впослѣдствіи онъ хотя и вылѣчился, но постоянно хромалъ

602 ДОМЪ И ФАМИЛІЯ ГРАФОВЪ СТРОГОНОВЫХЪ, 1752 — 1887 гг.

и ходилъ, опираясь на палку. Впрочемъ, ходилъ всегда быстро, это была живая натура.

Въ заключеніе этой главы скажемъ, что графиня Екатерина Петровна, родившаяся въ 1744 году, умерла въ Москвѣ 20-го ноября 1815 года и погребена въ Спасо-Андропіевомъ монастырѣ и что село Братцово въ настоящее время принадлежитъ въ собственность княгини Софій Александровны Щербатовой, рожденной графини Апраксиной, внучкѣ Василя Николаевича Ладомирскаго.

В. М. Колмаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДОМЪ И ФАМИЛІЯ ГРАФОВЪ СТРОГОНОВЫХЪ

1752—1887 гг.

IV¹⁾.

Послѣ разлуки съ своею женою, Александръ Сергѣевичъ остался жить въ Петербургѣ и всецѣло посвятилъ себя служенію двору, отечеству и покровительству искусства.

Во все время длиннаго періода царствованія Екатерины II, Павла Петровича и Александра I, — онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды современниковъ и былъ замѣчательнымъ лицомъ своего времени.

Обладая огромнымъ состояніемъ, дававшимъ ему независимое положеніе, онъ не искалъ милости царедворцевъ и не гнулъ передъ ними своей спины.

Давая праздники въ честь императрицы, онъ не писалъ на своихъ воротахъ: твоя отъ твоихъ, или: все отъ щедротъ твоихъ. Ради него не закрѣпощена ни одна крестьянская душа, какъ это дѣлалось въ угоду другихъ вельможъ.

Безъ особаго искательства и униженія онъ достигъ всѣхъ возможныхъ почестей, доступныхъ русскому вельможѣ.

Такимъ образомъ, онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника I-го класса, былъ сенаторомъ, оберъ-камергеромъ, президентомъ императорской академіи художествъ, директоромъ публичной бібліотеки, главнымъ начальникомъ мраморныхъ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LIII, мартъ, стр. 575—602.

ломокъ, кавалеромъ всѣхъ орденовъ, включительно до Андрея Первозваннаго и ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1798 г. къ титулу графа Римской имперіи присоединено было званіе графа Россійской имперіи. Первый изъ сихъ титуловъ онъ получилъ отъ императрицы Маріи Терезіи, къ которой онъ посланъ былъ отъ нашего двора для изъявленія чувствъ соболѣзнованія въ горестной потерѣ ею своего супруга.

Въ царствованіе Екатерины или, лучше сказать, во всю ея жизнь, онъ былъ постояннымъ и ежедневнымъ ея собесѣдникомъ, и въ путешествіяхъ неизмѣннымъ и неотлучнымъ ея спутникомъ.

Бдетъ ли императрица въ Москву, Ригу, Бѣлоруссію, по Волгѣ, въ Крымъ—Строгоновъ вездѣ съ нею, въ числѣ приближенныхъ къ ней царедворцевъ. Во всѣхъ бесѣдахъ съ нимъ Екатерина II относится къ нему дружески, сердечно, какъ къ своему родному, да и дѣйствительно она считала его таковымъ.

Знаніе имъ придворнаго этикета до тонкости, острота ума, умѣніе вести интересную бесѣду, — все это его отличало отъ всѣхъ другихъ вельможъ.

Богатства его казались неистоцимы; Екатерина объ Александрѣ Сергѣевичѣ говорила:

— „Вотъ человѣкъ, который тщетно старается раззориться, по не можетъ“.

Не скроемъ, однако-жь, что графъ Александръ Сергѣевичъ, по своей смерти, оставилъ нѣсколько милліоновъ долговъ, съ уплатой которыхъ сыну не легко было справиться.

Въ домѣ его съ 1766 года, между прочимъ, собирались депутаты г. С.-Петербурга, избранные въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія.

Говоря о городской жизни графа, слѣдуетъ упомянуть и о дачной его жизни въ Петербургѣ, что на Выборгской сторонѣ, около устья Черной рѣчки.

Воспитанникъ его, Воронихинъ, выстроилъ ему тутъ домъ, который по своей особой архитектурѣ до сихъ поръ останавливаетъ на себѣ взоры петербуржцевъ. Живя лѣтомъ при дворѣ, то въ Царскомъ, то въ Петербургѣ, графъ по часту пріѣзжалъ и на дачу. Здѣсь на площадкѣ противу дома раскинуты были палатки, гдѣ каждое воскресеніе играла музыка. Самъ графъ, одѣтый въ куртку изъ зеленой матеріи, вмѣшивался въ ряды

гуляющихъ, вступалъ съ ними въ разговоры и казался простымъ добрымъ хозяиномъ-гражданиномъ.

Но балы, даваемые имъ всему двору, въ честь императрицы, были великолѣпны и не только не уступали своею роскошью, изяществомъ и вообще обстановкой баламъ, дававшимся другими лицами, но превосходили ихъ.

Однимъ словомъ, графъ Александръ Сергѣевичъ, вмѣстѣ съ другими вельможами, умѣлъ показать все величіе русскаго двора.

При дворѣ великаго князя Павла Петровича Александръ Сергѣевичъ былъ также частымъ посѣтителемъ и собесѣдникомъ. Въ запискахъ Порошина, описывающаго воспитаніе вел. князя Павла, имя Александра Сергѣевича безпрестанно упоминается.

Разсказываютъ, что Александръ Сергѣевичъ такъ зналъ движенія, тонъ, складъ рѣчи и вообще манеры императрицы, что въ маскарадахъ, по ея приказанію, не рѣдко замѣнялъ ее.

Съ самаго ранняго возраста Александръ Сергѣевичъ, путешествуя со своимъ отцомъ по обширнымъ имѣніямъ, усвоилъ себѣ склонность къ рѣдкостямъ и къ художествамъ.

Въ 1768 году, вскорѣ по основаніи академіи художествъ, имя его блистало въ спискахъ между именами почетныхъ членовъ ея.

Въ путешествіяхъ своихъ по Европѣ въ 1756 и 1770-хъ годахъ прошлаго столѣтія онъ непрестанно и неустанно посѣщалъ всѣ извѣстныя тогда галлерей и мастерскія современныхъ художниковъ и на пріобрѣтеніе картинъ и книгъ онъ не щадилъ своихъ богатствъ, чѣмъ и нажилъ себѣ милліонные долги. Галлерей и библіотека были доступны каждому, кто только хотѣлъ видѣть и пользоваться. Тутъ онъ встрѣчалъ художниковъ, какъ добрый хозяинъ, ободрялъ ихъ въ предпріятіяхъ, помогалъ имъ словомъ и дѣломъ, и раскрывалъ передъ ними сокровища своей галлерей. Такимъ образомъ, до назначенія своего президентомъ академіи художествъ, имя его пользовалось общимъ уваженіемъ, и тѣмъ онъ снискалъ себѣ любовь художниковъ и вообще артистовъ.

Въ 1800 году,—день назначенія графа Александра Сергѣевича президентомъ академіи художествъ, былъ днемъ всеобщей радости для художниковъ. И, въ самомъ дѣлѣ, никогда академія

не была въ такомъ блескѣ, она никогда не заключала въ себѣ столько отличныхъ дарованій, достойныхъ стоять на ряду съ первоклассными художниками міра, какъ во время управленія ею графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ.

Онъ былъ для нихъ и другъ, и покровитель, и истинный цѣнитель ихъ трудовъ. Стоитъ только вспомнить имена скульпторовъ Мартоса, графа Ф. П. Толстого, Гальберга и живописцевъ Шебуева, Егорова, Варнека, Безсонова, Иванова, Левицкаго, Боровиковскаго, Щукина, Кипренскаго, Воробьева, Щедрина, Венеціанова, Шубина, Козловскаго, Демуть-Малиновскаго, Воронихина и другихъ, чтобы подтвердить наши слова.

Имена этихъ художниковъ тѣсно связаны съ именемъ или временемъ графа Александра Сергѣевича. Многіе изъ нихъ, какъ мнѣ лично извѣстно, жившіе въ 1830-хъ или началѣ 1840-хъ годовъ, не могли безъ сердечнаго умиленія вспомнить о графѣ. Такъ мнѣ рассказывали, что скульпторъ Гальбертъ посѣтилъ галерею графа Строгонова, спустя 30 лѣтъ послѣ его смерти, гдѣ картины, столики, около котораго занимался графъ, а равно и другіе предметы живо напомнили ему прошлое и онъ залился слезами и ничего не могъ говорить отъ печали.

Не одни художники находили въ Строгоновѣ своего покровителя, но все, что носило на себѣ печать таланта, все было доступно его благородной натурѣ и душѣ.

Разсказываютъ, что фонъ-Визинъ лично читалъ ему свои сочиненія, Державинъ посвящалъ ему свои оды, Гнѣдичъ только съ помощію графа могъ приняться за трудный переводъ Иліады, Богдановичъ былъ домашнимъ человѣкомъ въ домѣ графа и едвали не впервые читалъ ему свою „Душеньку“.

Талантливый Бортнянскій былъ одинъ изъ приближеннѣйшихъ его друзей. Иванъ Андреевичъ Крыловъ, какъ по смерти графа въ 1811 г., такъ и до смерти своей въ 1840-хъ годахъ, сохранилъ въ своей душѣ самыя пріятныя воспоминанія о графѣ.

Императоръ Павелъ удостоивалъ его всѣми знаками своей дружбы. Правда, въ самомъ началѣ при воцареніи онъ недобрычливо отнесся къ нему, какъ близкому человѣку къ его матери, но вскорѣ все прошло, императоръ ѣздилъ къ Александру Сергѣевичу запросто и пожаловалъ его кавалеромъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1798 году, апрѣля 21-го, къ титулу

графа Римской имперіи прибавилъ титулъ графа Россійской имперіи. Въ послѣдніе годы своего царствованія Павелъ поручилъ графу Строгонову надзоръ за сооруженіемъ на Марсовомъ полѣ, въ С.-Петербургѣ, памятника фельдмаршалу Суворову.

Императрица Марія Ѳеодоровна до самой смерти графа питала къ нему искреннюю дружбу, называя его въ своихъ письмахъ *mon ami* или *mon bon vieillard*. Она часто прибѣгала къ нему за совѣтомъ по дѣламъ благотворительныхъ учрежденій. Не проходило дня, чтобы кто-либо изъ августѣйшей фамилии не побывалъ у графа. Въ фамильныхъ бумагахъ Строгоновыхъ находятся отроческія письма вел. кн. Николая Павловича и др.

За симъ скажемъ, что императоръ Александръ Павловичъ, императрица Елизавета Алексѣевна и вообще вся августѣйшая фамилія относилась къ графу Александру Сергѣевичу и его семейству, въ лицѣ его сына, графа Павла, съ особенною благосклонностью.

Однимъ словомъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, по истинѣ и справедливости, снискалъ отъ современниковъ титулъ русскаго мецената, а императорскій дворъ нерѣдко называлъ его Несторомъ русскаго двора.

Послѣднимъ памятникомъ художнической жизни графа Александра Сергѣевича было сооруженіе Казанскаго собора.

Въ старческихъ уже годахъ онъ принялъ на себя обязанность строителя собора и не щадилъ ни силъ, ни здоровья для скорѣйшаго окончанія онаго. Здѣсь вполне выразилась его душа въ любви ко всему русскому: ни одинъ иностранный художникъ и мастеровой не были допущены къ участию въ построеніи Казанскаго собора. Воронихинъ, воспитанникъ графа, возведенный имъ на степень высшихъ чиновъ, былъ назначенъ зодчимъ этого великолѣпнаго храма. Художники: Шебуевъ, Щукинъ, Боровиковскій и другіе писали образа; Гордѣевъ, Шубинъ, Мартосъ—работали барельефы. Всѣ русскіе художники несли на это дѣло свои посильные труды. Графъ-же принесъ на жертву онаго свои послѣднія силы и здоровье. Не смотря на свои старческія годы и больныя ноги, онъ не страшился взбираться на лѣса неоконченнаго собора. Въ 10 лѣтъ соборъ былъ оконченъ и 15-го сентября 1811 года освященъ.

Дурная погода, слабое здоровье не остановили его быть при освященіи. Послѣ окончанія божественной службы онъ подошелъ подъ благословеніе къ митрополиту и, какъ-бы предчувствуя свою близкую смерть, сказалъ: „Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ“.

Вечеромъ послѣ освященія къ графу собрались многочисленныя его друзья — поздравить его съ монаршею милостію (онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса) и со счастливымъ окончаніемъ постройки.

Домъ графа былъ украшенъ иллюминаціей, окна были растворены, графъ отъ радости и въ порывѣ привѣтливости къ гостямъ не помнилъ самого себя и жестоко простудился. На другой день ему сдѣлалось дурно, въ нѣсколько дней его нельзя было узнать и 27-го сентября 1811 года этотъ другъ челоуѣчества умеръ. Въ сердцахъ своего семейства, а равно и друзей и знакомыхъ, онъ оставилъ неизгладимое о себѣ воспоминаніе.

Послѣднее его желаніе было явиться послѣ своей смерти передъ Богомъ въ томъ храмѣ, въ коемъ онъ получилъ предчувствіе о своей смерти, и потому отпѣваніе его останковъ происходило въ Казанскомъ соборѣ. Гробъ его орошенъ былъ слезами многочисленныхъ его друзей, почитателей и благодѣтелей-стествованныхъ имъ людей.

Императрица Марія Ѳеодоровна горько соболѣзновала о своемъ добромъ другѣ. Императоръ Александръ Павловичъ и вел. кн. Константинъ Павловичъ сопровождали его гробъ до могилы, въ Александро-Невской лаврѣ.

Оканчивая очеркъ о графѣ Александрѣ Сергѣевичѣ, мы могли-бы многое сказать еще о тѣхъ правилахъ, кои онъ преподавалъ своимъ управляющимъ обширными имѣніями въ Пермской губерніи, и о той любви, которую онъ старался внушить своему сыну, графу Павлу Александровичу, по отношенію къ отечеству. Такъ, собираясь издать книгу для назиданія своего сына подъ названіемъ: „Путешествующій живописецъ“, онъ говорилъ ему, что „отечество въ немъ и онъ въ отечествѣ для него равно любезны“. Слова, достойныя великихъ людей, преданныхъ всею душою и сердцемъ дорогому своему отечеству.

Не могу умолчать еще объ одномъ фактѣ, свидѣтельствующемъ объ истинномъ образованіи гр. Александра Сергѣевича, но фактъ этотъ требуетъ, однако-жь, повѣрки.

Въ былое время мнѣ говорили, что въ актахъ с.-петербургской публичной библіотеки, при которой графъ былъ директоромъ, есть указанія на такое событіе:

Въ библіотеку изъ г. Варшавы привезено было много книгъ, которыя и подверглись разборкѣ. Лица, производившія сію разборку, возбудили вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли предать сожженію всѣ книги, кои по своему содержанію и направленію противны нравственности и политическому настроенію того времени.

Графъ Александръ Сергѣевичъ всею своею мощію возсталъ противу такого варварскаго заявленія и тѣмъ спасъ разныя изданія библіотеки.

Много еще можно-бы говорить о немъ, но довольно и того, чтобы глубоко чтить и уважать память графа Александра Сергѣевича.

Онъ жилъ 78 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 24 дня.

V.

Наслѣдникъ гр. Александра Сергѣевича былъ единственный сынъ его, гр. Павелъ Александровичъ, родившійся, какъ сказано выше, въ 1774 году 7-го іюня во Франціи. Въ годъ смерти отца ему было 36 лѣтъ. Въ изложеніи его біографіи мы будемъ весьма кратки.

Первоначальное воспитаніе онъ получилъ во Франціи, но въ виду распространенія тамъ вредныхъ ученій и обнаруженія того, что его наставникъ Ромъ былъ ярый республиканецъ, онъ, по особому распоряженію, послѣдовавшему въ августѣ 1790 г., былъ вытребованъ въ Россію.

Въ началѣ царствованія Александра I Павелъ Александровичъ Строгоновъ, въ сообществѣ съ Новосильцевымъ и В. П. Кочубеемъ, котораго былъ товарищемъ, но званію послѣдняго министромъ внутреннихъ дѣлъ, является во главѣ высшаго правительства.

Впослѣдствіи изъ тайнаго совѣтника онъ переименованъ въ генераль-лейтенанта и командовалъ лейбъ-гвардіи второй пѣхотной дивизіей и былъ сенаторомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ генераль-адъютантомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ. Боевая жизнь

графа Павла Строгонова описана въ книгѣ: „Императоръ Александръ I-й и его подвижники“, 1845 г., см. также: „Исторія царствованія Александра I-го“, соч. Богдановича. Скажемъ только, что во весь періодъ отечественной войны и войны за освобожденіе Германіи, онъ принималъ самое дѣятельное участіе и вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ участвовалъ въ битвѣ при Краонѣ. Здѣсь графъ Александръ, какъ сказано выше, 23-го февраля 1814 года, пораженъ былъ ядромъ въ голову смертельно.

Съ трудомъ отыскали его тѣло. Горестный отецъ, подавленный жестокою скорбію, возвратился въ отечество съ трупомъ своего любимаго и единственнаго сына.

Тѣло его предано землѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Ему было 19 лѣтъ отъ роду.

Описывать горестное состояніе отца и матери его, графини Софіи Владиміровны, не будемъ,—оно понятно всѣмъ и каждому изъ смертныхъ.

По отзывамъ современниковъ можно сказать, что вся императорская фамилія, и особенно въ лицѣ императора Александра и государыни Елизаветы Алексѣевны, была личными друзьями графа Павла Александровича и графини Софіи Владиміровны.

Супруга гр. Павла Александровича, Софія Владиміровна, была дочь князя Владиміра Борисовича Голицына и супруги его Наталіи Петровны, рожденной графини Чернышевой.

Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ, какъ извѣстно, въ 1749—1755 гг. былъ полномочнымъ министромъ при дворахъ датскомъ, прусскомъ и англійскомъ и умеръ въ С.-Петербургѣ 1773 года.

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, во время перваго своего путешествія за границей, какъ сказано выше сего, встрѣтился съ нимъ въ Ганноверѣ, о чемъ графъ Петръ Григорьевичъ писалъ къ отцу его, барону Сергѣю Григорьевичу Строгонову.

Гр. Петръ Григорьевичъ во время Екатерины имѣлъ репутацію искуснаго дипломата.

Дочь его, княгиня Наталія Петровна, умерла въ глубокой старости, 20-го декабря 1837 года, на 97 году своей жизни, и была въ свое время въ большой славѣ. Домъ ея, на углу Большой Морской и Гороховой, впоследствии домъ графа Чернышева, былъ средоточіемъ лучшаго общества въ Петербургѣ.

Впоследствии она была извѣстна подъ именемъ: la princesse moustache, и дѣйствительно лицо ея было съ замѣтными усами.

Говорятъ, что А. С. Пушкинъ въ своей повѣсти „Пиковая дама“ изобразилъ ее.

Въ дни праздниковъ семейныхъ, когда около нея собирались дѣти, внуки и даже взрослые правнуки, — число ихъ по часту было такъ велико, что она не безъ труда различала ихъ.

У нея были дѣти, также извѣстныя въ свое время.

Во 1-хъ, сынъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ свѣтлѣйшій, впоследствии московскій генераль-губернаторъ.

Во 2-хъ, дочь Екатерина Владиміровна Апраксина, въ дни молодости извѣстная по роскошной жизни въ Москвѣ, а подъ старость—статсъ-дама при дворѣ вел. княг. Елены Павловны, и въ 3-хъ, Софія Владиміровна, жена гр. Павла Александровича Строгонова. Всѣ эти лица и даже дѣти ихъ отошли уже въ вѣчность, и только немногіе изъ оставшихся въ живыхъ найдутся тоже въ старческихъ годахъ.

Графиня Софія Владиміровна Строгонова, жена Павла Строгонова, по своему научному образованію, въ чемъ обязана была сама себѣ, по стойкости характера и своимъ нравственнымъ правиламъ, была женщина высокихъ достоинствъ. Вотъ въ виду такихъ качествъ она была чтима державной четой — Александромъ I и супругою его, Елизаветою Алексѣевною.

Извѣстно, что Александръ I часто давалъ поводъ своей супругѣ наречь его въ излишнемъ вниманіи къ разнымъ красавицамъ своего времени. Въ порывахъ своей слабости, онъ, какъ говорятъ, обратилъ свои взоры и на графиню Софію Владиміровну, но сія послѣдняя, отклонивъ неумѣстное его искательство, сумѣла воскресить въ немъ сознаніе достоинствъ собственной его супруги, и тѣмъ заставить его полюбить ее снова.

Съ этимъ чувствомъ императоръ Александръ и отошелъ въ Таганрогъ въ вѣчность и бывшая при немъ неотлучно супруга его, въ порывѣ глубокой скорби, могла съ вѣрою воскликнуть: нашъ ангелъ въ небесахъ!

О такомъ благотворномъ вліяніи гр. Софіи Владиміровны Строгоновой на императора Александра, хотя она изъ скромности и деликатности и не говорила ясно никому, но по свидѣтельству лицъ, приближенныхъ къ ней, фактъ этотъ былъ въ свое время обще-извѣстенъ.

Въ ея имѣніи Новгородской губерніи, селѣ Марьино, нынѣ принадлежащемъ ея правнуку, князю Павлу Павловичу Голицыну, въ бытность ея тамъ стоялъ портретъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, въ натуральную величину, въ сидячемъ положеніи, а возлѣ него пахотился когда-то столикъ, на которомъ покоилась шкатулка чернаго дерева съ подлинными письмами государыни Елизаветы Алексѣевны. Въ этихъ письмахъ заключаются доказательства во взаимной ихъ между собой дружбы и любви.

Сюда-то почасту ѣздилъ императоръ Александръ и съ дѣтьми графини обращался какъ самый добрый и нѣжный отецъ. Мнѣ рассказывали одинъ случай, свидѣтельствующій о добромъ отношеніи императора Александра къ этимъ дѣтямъ.

Въ домѣ Софіи Владиміровны Строгоновой или, лучше сказать, въ семьѣ ея, жилъ одинъ весьма достойный, человекъ по имени Семенъ Прохоровичъ Лукинъ, въ чинѣ подполковникъ. Онъ былъ наставникъ убитаго при Краонѣ сына ея, Александра Павловича, но дѣти ея, потому ли что слово подполковникъ было труднѣе выговорить, чѣмъ полковникъ, или по другимъ причинамъ, называли его всегда полковникомъ. Императоръ Александръ Павловичъ, посѣщая семью Строгоновыхъ и зная, что Лукинъ былъ подполковникъ, а не полковникъ, позволилъ себѣ сказать имъ, что они ошибаются. Но дѣти стояли на своемъ, упрямо возражая и говоря смѣло государю, что Лукинъ ихъ полковникъ. Тогда государь, видя, что съ упрямыми дѣтьми ничего не поделаешь, сказалъ имъ: „Ну, пускай же Лукинъ будетъ и мой полковникъ“. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени, Лукинъ, по высочайшему повелѣнію, былъ произведенъ въ чинъ полковника, каковымъ онъ и остался до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1840 годахъ.

Не можемъ не упомянуть, что, судя по портретамъ, графиня Софія Владиміровна въ молодости была восхитительно хороша, но съ лѣтами она, разумѣется, утратила свою красоту. Подъ конецъ своей жизни (1845 г. марта 5) она была небольшого роста старушка, немного горбатая, но нисколько не утратившая силы воли характера и здраваго смысла рѣчей.

Смерть графини Софіи Владиміровны была неожиданна.

Въ 1845 году, на первой недѣлѣ поста, она отговѣла и наслаждалась, по своимъ лѣтамъ, полнымъ здоровьемъ, но параличъ

легкихъ мгновенно лишилъ ее силъ и 5 марта 1845 г. ея не стало. Она погребена въ Невскомъ монастырѣ. Гробъ ея орошенъ былъ слезами многочисленныхъ родныхъ и друзей.

Императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Федоровна пріѣзжали въ домъ, поклониться ея праху.

Императоръ Николай, встрѣтивъ на лѣстницѣ внука ея, графа Александра Сергѣевича Строгонова, пожаловалъ его въ флигель-адъютанты.

Супругъ Софіи Владиміровны, графъ Павелъ Александровичъ со смертью своего отца гр. Александра Сергѣевича, былъ обремененъ долгами. Роскошная жизнь сего послѣдняго съ изстари, даже со временъ Екатерины II, и устройство имъ галереи, стоившей, по отзыву знатоковъ, нѣсколькихъ милліоновъ рублей, а, наконецъ, и другія значительныя траты тяготили его сына.

Графъ Павелъ Александровичъ думалъ сначала прибѣгнуть къ займу въ Англіи подъ залогъ пермскихъ своихъ заводовъ, но Богъ спасъ его отъ сего горя.

Государственный заемный банкъ нашель средство ссудить ему нѣсколько милліоновъ и тѣмъ устроить его дѣла. Тяжкимъ горемъ и невыразимою скорбію легла на душу его печаль о смерти сына Александра, убитаго въ сраженіи при Краонѣ, во Франціи, 23 февраля 1814 года.

Графъ Павелъ Александровичъ съ сыномъ находился въ корпусѣ графа Воронцова, когда этотъ корпусъ, въ составѣ не болѣе 15 т., въ теченіи 6 часовъ, выдерживалъ стремительный натискъ всѣхъ силъ Наполеона, простиравшихся свыше 50,000 ч.

Отецъ и сынъ были любимцы всего отряда. Вдругъ во время самаго сраженія пошелъ по линіи и рядамъ солдатъ говоръ и крикъ отчаянія: „Строгоновъ убить! Строгоновъ молодой убить. Голову ему сорвало“. Ужасная эта вѣсть доходитъ до отца и онъ... но не станемъ описывать отчаянія отца: съ трудомъ въ массѣ труповъ отыскалъ обезглавленное тѣло графа Александра. Понятно, отецъ не могъ нести бремя войны и, по особому приказанію государя, возвратился съ трупомъ сына въ отечество. Сочувствіе къ семейному горю было общимъ выраженіемъ. Графъ Александръ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Смерть сына заставила графа Павла Александровича

неволью подумать о сохраненіи какъ своего имени въ потомствѣ, такъ и о достояніи фамилии Строгоновыхъ. Въ этихъ видахъ, въ 1817 году графъ Павелъ Александровичъ составилъ маіоратный актъ, по коему всѣ имущества его вошли въ общій составъ подъ именемъ пераздѣльнаго имѣнія. По сему акту, высочайше утвержденному 11 августа 1817 года, супруга его, графиня Софія Владиміровна, вступаетъ, по смерти его, пожизненно во владѣніе маіоратнымъ имѣніемъ, а затѣмъ старшая его дочь Наталья должна наследовать всѣмъ симъ маіоратомъ съ присвоеніемъ мужу ея, въ случаѣ замужества, титула графа.

Между тѣмъ здоровье графа Павла Александровича, со смертію сына, графа Александра, видимо разстроилось. Болѣзнь его была чахотка.

Вотъ для облегченія ему посовѣтовали пользоваться морскимъ воздухомъ и для того онъ отправился въ Копенгагенъ, а оттуда предполагалось ѣхать на югъ Европы.

Его сопровождали графиня Софія Владиміровна и молодой баронъ Строгоновъ, сынъ Григорія Строгонова. Прибывъ въ Копенгагенъ, графъ Павелъ Строгоновъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ Россіи, и настоялъ на томъ, чтобы графиня возвратилась въ отечество, по не прошло и 36 часовъ со времени его отъѣзда изъ Копенгагена, онъ уже былъ мертвъ.

Смерть послѣдовала на кораблѣ, 10 іюня 1817 г., на 43 году его жизни; останки его погребены въ Александро-Невской лаврѣ.

Въ супружествѣ своемъ Богъ благословилъ его, кромѣ сына Александра, убитаго въ 1814 году, дочерьми Наталіею, Аглаидою, по мужѣ княгиня Голицына, Елисаветою, въ замужествѣ княгиня Салтыкова, Ольгою, вышедшею замужъ за графа Ферзена.

Молодой графинѣ Натальѣ въ день смерти отца ея было около 20 лѣтъ.

Въ то время въ С.-Петербургѣ проживалъ баронъ Григорій Александровичъ Строгоновъ, извѣстный впоследствии какъ посоль нашъ въ Швеціи, Испаніи и Турціи, род. 13-го сентября 1770 г., † 7 января 1857 г., онъ былъ внукъ Николая Григорьевича и племянникъ графа Александра Сергѣевича, президента академіи. Въ 1826 году, во время коронаціи императора Николая, онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, но въ описываемое нами время онъ пользовался только титуломъ барона.

Отъ брака своего съ княжною Анною Сергѣевною Трубецкою,

родившеюся 8 мая и умершею 21 октября 1824 года, онъ имѣлъ пять сыновей: Сергѣя, Александра, Николая, Алексѣя и Валентина, и дочь Елену, по мужѣ Черткову.

По обстоятельствамъ фамильныхъ дѣлъ ясно было, что одному изъ сыновей его всего удобнѣе было бы предложить свою руку графинѣ Натальѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ унаследовать титулъ графскаго достоинства.

Такъ и случилось: молодой баронъ Сергѣй Григорьевичъ предложилъ свою руку графинѣ Натальѣ.

По рассказамъ современниковъ, баронъ Сергѣй Григорьевичъ сначала отклонялъ отъ себя этотъ жребій, но упрямство его было отстранено, и вотъ явилась новая чета, обновившая въ своихъ дѣтяхъ семью графовъ Строгоновыхъ.

Съ этою женитьбою баронъ Сергѣй Григорьевичъ получилъ титулъ графа.

Отъ нихъ произошли дѣти: сыновья: Александръ, Павелъ, Григорій и Николай, двѣ дочери: Софія, по мужѣ графиня Толстая, и Елисавета, въ замужествѣ за княземъ А. В. Мещерскимъ.

Графиня Наталія Павловна, бабка нынѣшняго владѣльца дома, была смиреннѣйшею и почительнѣйшею дочерью по отношенію къ своей матери, и сама, какъ мать и супруга, была нѣжнымъ и вротнымъ существомъ въ мірѣ.

Въ особенности же она отличалась состраданіемъ къ ближнему и вообще немущимъ людямъ, такимъ образомъ вся ея жизнь вращалась въ кругу своей семьи, дѣяній добра и другаго міра у ней не было. Такъ она начала свое существованіе, такъ провела всю свою жизнь,—такъ и отошла въ вѣчность 7 октября 1872 года.

Родилась она 7 мая 1796 года. Житія ея было 75 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ.

Погребена въ Невскомъ монастырѣ.

Послѣ нея, въ права маіоратнаго владѣльца, въ силу особаго высочайшаго повелѣнія, вступилъ пожизненно супругъ ея, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, родившійся 8 ноября 1794 г. Между тѣмъ въ теченіи маіоратнаго владѣнія графини Наталіи и графа Сергѣя умираетъ сынъ ихъ, графъ Александръ, бывший въ супружествѣ съ Татьяной Дмитріевной, рожденной Васильчиковой.

Вотъ отъ этого брака произошелъ нынѣшній (1887 г.) владѣлецъ дома и маіората Сергѣй Александровичъ.

Графъ Александръ Сергѣевичъ окончилъ курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ, много путешествовалъ, потомъ поступилъ въ военную службу, былъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и умеръ въ отставку.

Засимъ слѣдовало бы остановиться и говорить объ отцѣ послѣдняго, гр. Сергѣѣ Григорьевичѣ Строгоновѣ, умершемъ 27 марта 1882 года. Но въ виду недавней его кончины и благоговѣя передъ его памятью, мы не считаемъ возможнымъ оцѣнить всю благотворную его дѣятельность. Скажемъ кратко, что время управленія имъ московскимъ учебнымъ округомъ, и состоянія имъ въ званіи попечителя тамошняго университета, составляетъ эпоху въ исторіи русскаго просвѣщенія. Мы твердо помнимъ то время, когда онъ, живя въ Петербургѣ, назначенный въ 1835 году попечителемъ московскаго университета, собиралъ отовсюду свѣдѣнія о талантливыхъ молодыхъ людяхъ, любящихъ науку и въ особенности исторію.

Разговаривая съ нимъ по этому предмету, и зная, какъ студентъ с.-петербургскаго университета, что окончившій въ ономъ курсъ наукъ Грановскій посвятилъ себя исключительно исторіи и уже написалъ статью о евреяхъ, я указалъ ему на Грановскаго и Печорина, какъ на способнѣйшихъ молодыхъ людей.

Рекомендація моя, какъ юнаго студента, не остановила графа; онъ, увѣрившись въ правдивости моихъ словъ, немедленно вызвалъ Грановскаго и Печорина, предложилъ имъ ѣхать за границу и потомъ занять каѳедры въ московскомъ университетѣ. Послѣдствія всего этого извѣстны.

Но добавимъ, что графъ не только искалъ и поощрялъ талантливыхъ и способныхъ молодыхъ людей къ наукѣ и вообще на полезный трудъ, пѣтъ, онъ дѣлалъ болѣе сего. Онъ слѣдилъ за сими молодыми людьми и паучалъ ихъ держаться добра и быть достойными гражданами Россіи... Въ подтвержденіе сего скажемъ, что Печоринъ, избранный имъ на каѳедру, кажется, классической литературы въ Москвѣ, впоследствии измѣнилъ своему назначенію. Отправившись за границу, онъ, подъ влияніемъ іезуитовъ, не пожелалъ возвратиться въ отечество и остался тамъ. Графъ несказанно скорбитъ объ этомъ, пишетъ къ нему, напо-

минаетъ ему о долгѣ и совѣтуетъ возвратиться въ отечество. Но все было тщетно. Печоринъ остался за границею.

Многое можно-бы рассказать о плодотворной дѣятельности графа по части развитія рисованія и иконописи, археологіи и другихъ искусствъ, но это увлекло бы насъ очень далеко, для этого тѣсны рамки нашего сжатого очерка.

По смерти графини Софьи Владиміровны, своей тещи, гр. С. Г. вошелъ непосредственно въ дѣла управленія маіоратнымъ имѣніемъ, сначала какъ повѣренный своей жены, а потомъ какъ самъ пожизненный владѣлецъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, онъ многое устроилъ, привелъ въ порядокъ дѣла и счета маіората и увеличилъ такимъ образомъ достояніе своихъ наслѣдниковъ.

Въ послѣднее время своей жизни онъ, безъ всякаго ослабленія своей государственной дѣятельности, по званію члена государственнаго совѣта, много заботился объ устройствѣ выкупнаго дѣла въ пермскихъ имѣніяхъ, въ чемъ и успѣлъ.

Къ главному или, лучше сказать, первоначальному маіорату, образованному по акту 1817 года, онъ, съ высочайшаго разрѣшенія, присоединилъ еще другія части Строгоновскихъ имѣній, доставшіяся ему изъ рода своего отца, братьевъ и племянниковъ.

Впрочемъ, опытность по торговлѣ ему обошлась не совсѣмъ дешево. Въ подтвержденіе сего онъ намъ рассказывалъ одинъ весьма оригинальный случай, имѣвшій мѣсто въ Нижнемъ Новгородѣ.

Желая ближе и на дѣлѣ познакомиться съ торговлею желѣзомъ, онъ отправился туда во время ярмарки. Въ первый-же день своего прибытія, онъ собралъ желѣзоторговцевъ и началъ говорить имъ рѣчь въ томъ смыслѣ, что ему странно и даже непонятно, почему сами купцы не сговорятся о цѣнѣ продаваемаго ими товара и не объявятъ о томъ во всеобщую извѣстность, тогда дѣло было-бы ясно и развязка не замедлила-бы послѣдовать.

Купцы, переглядываясь другъ съ другомъ, сказали графу, что они во всемъ согласны съ нимъ.

— Ну такъ что-жъ, повторилъ графъ, поговоримъ, согласимся и объявимъ цѣну.

„Такъ, такъ, ваше сіятельство“, отвѣчали купцы, и дѣйствительно, объяснившись съ нимъ сообца, назначили цѣну желѣзу и разошлись. Засимъ желѣзо графа, въ теченіи нѣсколькихъ дней, въ миллионномъ количествѣ, по назначенной цѣнѣ, быстро

было раскуплено; графъ торжествовалъ, но затѣмъ, къ удивленію его, цѣна на желѣзо быстро начала подыматься и графъ ясно уразумѣлъ, что онъ своею поспѣшностью потерялъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Оказалось, что желѣзо, по предварительному сговору, куплено было у него тѣми-же купцами, съ которыми онъ краснорѣчиво объяснялся.

Купцы сіи, при свиданіи съ графомъ, говорили ему:

— А вотъ, ваше сіятельство, цѣну-то на товаръ Богъ даетъ, а не люди.

Въ виду такого дорого стоящаго урока, графъ пересталъ ѣздить на нижегородскую ярмарку.

Въ настоящее время (1887 г.), за смертію графа Сергѣя Григорьевича, старшимъ по лѣтамъ въ родѣ Строгоновыхъ, но чуждый маіората, состоитъ братъ его, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Александръ Григорьевичъ.

Нынѣ онъ, сохраняя званіе генералъ-адъютанта и въ качествѣ почетнаго гражданина г. Одессы, живетъ тамъ на покой.

Сыновья его: Григорій, Викторъ и Сергѣй—умерли, не оставивъ по себѣ потомковъ мужскаго рода.

Итакъ, собственно говоря, графъ Александръ Григорьевичъ Строгоновъ самъ лично, а равно дѣти и внуки брата его графа Сергѣя Григорьевича, въ томъ числѣ маіоратный владѣлецъ графъ Сергѣй Александровичъ, представляютъ собою по мужской линіи родъ и фамилію графовъ Строгоновыхъ.

Ко всему изложенному добавимъ, что заслуги Строгоновской фамиліи отечеству и престолу были признаваемы нашими вѣнцесцами съизстари, начиная отъ великихъ князей московскихъ до государей послѣдняго времени.

Такъ, императоръ Николай въ особенности это выразилъ на одномъ изъ журналовъ государственнаго совѣта по тяжбному дѣлу Строгоновской фамиліи съ казною, 9-го апрѣля 1828 г., написавъ собственноручно, что „въ уваженіе заслугъ въ древнія времена Строгоновской фамиліи, равно въ память того, что послѣдній въ родѣ этой фамиліи положилъ животъ на полѣ чести, онъ признаетъ за нею право на надѣлъ ихъ заводовъ изъ

казенныхъ земель“. (Сборникъ в. у. мнѣній государственнаго совѣта 1850—1851 г., стр. 506).

Высшее довѣріе императора Александра II къ покойному графу Сергѣю Григорьевичу, дѣду нынѣшняго владѣльца дома, выразилось въ предоставленіи ему воспитанія умершаго наследника цесаревича Николая, и въ другихъ дѣлахъ государственной важности.

VI.

Въ заключеніе нашей статьи о домѣ и фамиліи графовъ Строгоновыхъ, считаемъ своею обязанностью сказать нѣсколько словъ и о самомъ составѣ и величинѣ Строгоновскаго маіората и, наконецъ, о галлерей ихъ.

Начнемъ съ того, что высочайшій указъ о маіоратѣ 11-го августа 1817 года состоялся по просьбѣ графа Павла Строгонова, поданной имъ передъ своею смертію, а равно и согласно желанію его супруги графини Софіи Владиміровны.

Въ этомъ указѣ выражено, что маіоратъ утверждается въ уваженіе отличнаго усердія и преданности графа Павла въ особѣ государя императора, а равно въ награду ревности и услугъ, оказанныхъ имъ и предками его россійскому престолу.

Имѣнія, поступившія въ составъ маіората, находятся въ Пермской губерніи въ уѣздахъ: Пермскомъ, Оханскомъ, Соликамскомъ, Кунгурскомъ и Еватеринбургскомъ, и заключали въ себѣ, при учрежденіи маіората, т. е. въ 1817 году, 45,875 крестьянъ мужскаго пола.

Равнымъ образомъ, въ составъ сего маіората или, какъ его именуютъ нераздѣльнаго имѣнія, вошло также небольшое имущество, заключавшее въ себѣ 119 душъ Нижегородской губерніи, съ землею и усадьбами въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ.

Независимо отъ сего, въ составъ маіората вошло два дома въ С.-Петербургѣ, что у Полицейскаго моста, и земля, занимаемая Строгоновскими дачами, что на Выборгской сторонѣ.

По вступленіи во владѣніе сими маіоратомъ въ 1845 году графини Наталіи Павловны Строгоновой, она исходатайствовала высочайшее разрѣшеніе, чтобы, по смерти ея, весь маіоратъ поступилъ въ пожизненное владѣніе ея супруга, графа Сергѣя Григорьевича, о чемъ и составленъ указъ 3-го апрѣля 1847 года,

съ тѣмъ условіемъ, что онъ долженъ отказаться отъ выдѣла ему указной части.

Ко всему этому маіорату графъ Сергѣй Григорьевичъ присоединилъ имѣнія, доставшіяся ему отъ отца своего, графа Григорія Александровича, и брата его, Александра Григорьевича, въ количествѣ свыше 13 т. душъ крестьянъ.

При введеніи уставныхъ грамотъ по освобожденіи крестьянъ, число душъ въ нераздѣльномъ имѣніи было свыше 80 т. чело-вѣкъ, а съ присоединеніемъ къ нему особой собственной части было 94,000 чел. Земли, за надѣломъ крестьянъ, осталось у владѣльцевъ около 1.300,000 дес.

Количество выкупныхъ денегъ опредѣлялось въ пользу владѣльцевъ до 7.570,000 руб.

При утвержденіи выкупныхъ сдѣлокъ, графъ Сергѣй Григорьевичъ сдѣлалъ уступки крестьянамъ свыше 2.317,000 руб.

Введеніе уставныхъ грамотъ и совершеніе выкупныхъ актовъ при громадности имѣній сопровождались большими затрудненіями, но благодаря усиліямъ приглашеннаго для сей цѣли графомъ знатока крестьянскаго дѣла, А. Н. Базилевскаго, нынѣ предсѣдателя кievской казенной палаты, всѣ препятствія и несогласія по сему предмету были устранены.

Наконецъ, скажемъ, что галлерей гр. Строгоновыхъ, входящая также въ составъ маіората, заключаетъ въ себѣ картины всѣхъ извѣстныхъ въ свое время школъ, именно флорентинской, въ коей причисляютъ Рафаэля, Дель-Сарто и друг., романской, куда относятъ Бенвенуто, Гвидо-Рени и проч., ломбардской и фламандской.

Обстоятельное описаніе этой галлерей заключается въ особомъ изданіи 1835 года, напечатанномъ въ С.-Петербургѣ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Collection d'estampes d'après quelques tableaux de la galerie de M. le comte A. Strogonoff.*

Итакъ, фамилія графовъ Строгоновыхъ, отличаясь въ теченіе вѣковъ заслугами и достоинствомъ лицъ, принадлежащихъ къ ней, вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ громаднымъ достояніемъ, обезпеченнымъ въ будущемъ, силою маіоратнаго акта.

г. Кіевъ.

15-го ноября 1886 г.

Николай Колмаковъ.

Приложеніе.

Извлеченія изъ писемъ барона Александра Сергѣевича Строгонова къ своему отцу барону Сергѣю Григорьевичу, во время путешествія перваго за границу въ 1752—1756 гг.

Путешествіе это было предпринято съ благословенія и соизволенія императрицы Елисаветы Петровны, которая относилась къ барону Сергѣю Григорьевичу, какъ къ доброму своему родственнику и другу.

24-го мая 1752 года баронъ Александръ Сергѣевичъ, въ сопровожденіи своего наставника Антонія, отправился изъ С.-Петербурга за границу.

25-го мая онъ былъ въ г. Нарвѣ, напомнившей ему несчастное сраженіе при Петрѣ Великомъ въ 1700 г.

29-го числа онъ былъ въ Ригѣ. Городъ, по замѣчанію его, обширный, но улицы узки. Купеческіе корабли дѣлаютъ видъ чрезвычайно пріятный.

30-го мая, послѣ обѣда, онъ былъ у Лопухина, а потомъ у рижскаго губернатора Владиміра Петровича Долгорукова.

4-го іюня онъ былъ въ г. Данцигѣ. Предметы, обратившіе на себя его вниманіе, были: крѣпость, оружейный домъ и монастырь.

5-го іюля Александръ Сергѣевичъ былъ въ Берлинѣ и остановился у Монтабери въ Вратской улицѣ. Генераль Кейтъ, губернаторъ Берлина, впоследствии фельдмаршалъ, находившійся въ русской службѣ, былъ короткій знакомый его отца—принялъ его радушно и взялся его познакомить съ достопримѣчательностями Берлина.

17-го іюля Александръ Сергѣевичъ осматривалъ дворецъ, въ которомъ между примѣчательностями было паникадило, вѣсомъ въ 15 центнеровъ, хоры для музыкантовъ, столы и все убранство было изъ серебра, а комната матери короля убрана была золотомъ¹⁾.

На другой день онъ осматривалъ картинную галлерей, кунсткамеру и бібліотеку.

¹⁾ Всѣ эти цѣнности, во время 7-ми-лѣтней войны, обращены были Фридрихомъ Великимъ на военныя потребности.

22-го іюля (1752 г.) Александръ Сергѣевичъ ѣздилъ съ визитомъ къ графу Лобло, который пригласилъ его къ себѣ обѣдать; тамъ онъ познакомился съ графомъ Грипсфельдомъ, голландскимъ посланникомъ. Съ симъ послѣднимъ онъ ѣздилъ въ Потсдамъ. Фельдмаршалъ Кейтъ поставилъ его на такомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ видѣть церковный парадъ всей гвардіи, произведенный самимъ королемъ. Тотъ же день онъ обѣдалъ у фельдмаршала, потомъ ѣздилъ въ Саль-Суси и въ тотъ же день возвратился въ Берлинъ.

26-го іюля 1752 г. Александръ Сергѣевичъ выѣхалъ изъ Берлина и направился въ Ганноверъ, гдѣ встрѣтился съ графомъ Петромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ, о чемъ уже прежде сего было рассказано.

Впрочемъ, краткое пребываніе свое въ Ганноверѣ Александръ Сергѣевичъ употребилъ на осмотръ тамошней бібліотеки, которая отличалась не количествомъ экземпляровъ книгъ, но лучшими сочиненіями.

Дворъ и министры выѣхали изъ Ганновера, но Александръ Сергѣевичъ, по письму графа Петра Григорьевича, еще остался тамъ.

11-го августа онъ былъ въ спектаклѣ, давали Тартюфа; засимъ онъ уѣхалъ въ Кассель. Здѣсь онъ представлялся наследному принцу и принцессѣ, съ которыми онъ познакомился въ Ганноверѣ, и въ тотъ же вечеръ у нихъ ужиналъ. Здѣшній Верести-Штетскій садъ съ каскадомъ особенно ему понравился,—каскадъ этотъ, по обидію и высотѣ выбрасываемыхъ водъ, а равно Геркулесова статуя въ 60 футъ, считался тогда первымъ въ Европѣ. Засимъ онъ выѣхалъ въ г. Генау Гессенъ-Кассельскаго курфирства. Проѣзжая мимо соляныхъ варницъ около г. Надгеймо, онъ не могъ не замѣтить, что здѣшнія соляныя варницы гораздо хуже его пермскихъ.

22-го августа онъ пріѣхалъ въ г. Генау,—въ тотъ же день представлялся ландграфу гессенъ-кассельскому. На другой день онъ провелъ цѣлый день во дворцѣ, гдѣ ужиналъ и обѣдалъ. Отсюда онъ отправился во Франфуртъ.

Городъ этотъ разнообразіемъ своихъ жителей, историческими памятниками и совершившимися въ немъ событіями,—привлекъ особенное вниманіе нашего путешественника. Такимъ образомъ, онъ съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ ратушу и въ ней залу избрація нѣмецкихъ императоровъ, Гольдбухъ (Золотую Булду) императора Карла IV, извѣщающую обязанности курфирста, и церемоніаль коронованія императоровъ.

Во Франкфуртѣ онъ познакомился съ генераломъ Витгенштейномъ, который собирался тогда ѣхать въ Россію. Витгенштейнъ просилъ барона дать ему рекомендательное письмо въ Россію, что онъ и исполнилъ, говоря, что онъ прежде сего служилъ въ Голландіи майоромъ и что по всему видно, что онъ честный человекъ и принадлежитъ къ той знатной фамиліи, къ которой онъ себя причисляетъ.

Изъ письма Александра Сергѣевича къ отцу видно, что 19-го сентября 1752 года онъ былъ въ Страсбургѣ, гдѣ провелъ только нѣсколько дней.

Здѣсь онъ осматривалъ страсбургскія укрѣпленія, состоявшія изъ простыхъ бастіоновъ. Здѣсь, по его мнѣнію, достойны были примѣчанія огромные часы въ католической церкви и дворецъ кардинала Собіескаго, который такъ былъ внутри убранъ, что ничего подобнаго ему не приходилось видѣть у наследныхъ князей; равнымъ образомъ остановила его вниманіе огромная бібліотека. Въ это время, какъ пишетъ молодой баронъ Александръ Сергѣевичъ, въ Страсбургъ привезено было тѣло знаменитаго полководца Морица Саксонскаго. Гробъ былъ поставленъ на катафалкѣ въ лютеранской церкви, поднятый членами церкви, а вокругъ гроба картины, писанныя на картузной бумагѣ. Вообще, по описанію, удивленія было достойно, что такой славный генералъ, какъ Морицъ Саксонскій, погребенъ такъ бѣдно.

Кстати замѣтить, что впоследствии надъ могилою Морица поставлена была цѣлая мраморная группа, изображающая маршала, вступающаго одною ногою въ могилу, и вверху надъ нимъ плачущую фигуру Франціи, въ видѣ женщины.

Изъ Страсбурга Александръ Сергѣевичъ отправился въ Швейцарію въ г. Женеву. Городъ этотъ, прекрасный своимъ мѣстоположеніемъ, по берегу озера, съ давняго времени славится своею академіею и многими своими учеными. Однимъ словомъ, городъ этотъ въ XVIII столѣтіи привлекалъ множество иностранцевъ.

По описанію барона Александра Сергѣевича, ученый Вернетъ въ то время въ академіи читалъ исторію и географію, Некеръ физіку, Жилиберъ математику и логику, и естественное право адвокатъ Роминъ и другіе. Всѣ эти ученые своими трудами извѣстны были въ Европѣ и вотъ сюда-то онъ и ѣхалъ для окончанія своего образованія. Въ то время учился въ академіи князь Андрей Михайловичъ Голицынъ, сынъ фельдмаршала. Въ то же время въ Женевѣ жилъ Авраамъ Павловичъ Веселовскій, бывший когда-то посланникомъ при ландграфствѣ Гессенъ-Кассельскомъ.

Веселовскій, какъ извѣстно, замѣшанъ былъ въ дѣло объ укрывательствѣ несчастнаго царевича Алексѣя, и самъ себя осудилъ на изгнаніе. Александръ Сергѣевичъ часто ходилъ къ нему и въ бесѣдѣ съ нимъ и въ особенности историкомъ Вернетомъ и профессоромъ богословія, имя котораго осталось для насъ неизвѣстнымъ, онъ почерпнулъ многія знанія и любовь къ древностямъ. Въ это же время онъ изучалъ фортификацію, архитектуру, логику, латинскій и итальянскій языки, которыми потомъ владѣлъ въ совершенствѣ,—наконецъ, упражнялся въ игрѣ на клавицимбаллѣхъ.

Во время пребыванія въ Женевѣ Александръ Сергѣевичъ получилъ письмо отца, извѣщавшаго его, что по случаю выхода замужъ двоюродной его сестры, Маріи Николаевны Строгоновой, за дѣйствительнаго камергера графа Мартина Карловича Скавронскаго, въ домъ его былъ съ нимъ, на коемъ присутствовала императрица Елисавета Петровна, и что самый бракъ этотъ совершился по ея желанію.

Живя въ Женевѣ въ кругу ученыхъ людей, учащихя товарищей, Александръ Сергѣевичъ, какъ видно изъ его писемъ, затѣялъ было посвятить всю свою жизнь научнымъ занятіямъ. Вслѣдствіе сего онъ испрашивалъ разрѣшеніе у отца остаться ему какъ можно долѣе въ Женевѣ, чтобъ хорошее основаніе въ наукахъ положить. Въ подтвержденіе чего онъ говорилъ, что въ Женевѣ нѣтъ ни опоръ, ни комедій, ни маскарадовъ, но по тишинѣ можно здѣшній городъ назвать земнымъ раемъ.

Отвѣтъ отца былъ противенъ его просьбѣ, не смотря на то, что Веселовскій просилъ за него у барона Сергѣя Григорьевича, — и потому онъ оставилъ Женеву. 8-го сентября 1754 года былъ уже въ Италіи.

Женева оставила въ душѣ Александра Сергѣевича надолго самыя пріятныя воспоминанія. Разставаясь съ своими знакомыми, онъ раздалъ имъ свои портреты, и когда чрезъ 20 слишкомъ лѣтъ послѣ сего сынъ его, Павелъ Александровичъ, пріѣхалъ въ Женеву, то и тогда о немъ вспоминали, особенно старикъ Вернотъ. Обнимая сына, — со слезами на глазахъ вспоминалъ объ отцѣ.

Продъ стѣздомъ въ Италію Александръ Сергѣевичъ получилъ отъ графа Михаила Илларионовича Воронцова рекомендательныя письма ко всѣмъ коронаванымъ особамъ, а пашъ академикъ Миллеръ далъ ему письма ко многимъ ученымъ лицамъ.

Для путешествія по Италіи Александру Сергѣевичу пазначено 5 т. руб. сер.

21-го сентября 1754 года онъ уже былъ въ Туринѣ, гдѣ представлялся королю, наследственному принцу и принцессѣ, которые всѣ были къ нему милостивы и ласковы. Въ это же время въ Туринѣ былъ и молодой князь Андрей Михайловичъ Голицынъ; съ нимъ онъ жилъ и вмѣстѣ осматривалъ дворецъ, бібліотеку и галерею. Въ бібліотекѣ всякій могъ читать и дѣлать выписки. Въ ней находилось «хорошее собраніе антиквитетовъ, и между прочимъ манускриптъ: путешествія константинопольскаго патріарха Іеремія въ Москву». Сознаемся, что объ этомъ манускриптѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Въ Туринѣ Александръ Сергѣевичъ получилъ отъ отца письмо, съ извѣщеніемъ о рожденіи, 20-го сентября 1754 года, великаго князя Павла Петровича, о крещеніи его 25-го того же мѣсяца и о разныхъ празднествахъ, бывшихъ въ Петербургѣ, по сему случаю, именно: что 9-го октября былъ фейерверкъ съ иллюминаціей, а также маскарады и французскія комедіи.

4-го октября 1754 года Александръ Сергѣевичъ, выѣхалъ изъ Турина, заѣзжалъ на Бароннейскіе острова и 8-го числа того же мѣсяца пріѣхалъ въ Миланъ; здѣсь онъ представлялся дюку Мадскойну и у него же на другой день обѣдалъ.

По словамъ его здѣсь много хорошихъ картинъ и если онъ найдетъ, что либо продажное, то онъ непременно купитъ.

7-го ноября 1754 года Александръ Сергѣевичъ былъ въ Брессіи, бывшей

тогда подъ венеціанскимъ владычествомъ; здѣсь онъ познакомился съ кардиналомъ Квирини. Отсюда поѣхалъ въ Верону, сошелся тутъ онъ съ нѣкимъ Маеємъ, названнымъ отцемъ древностей. Въ домѣ Маеія жилъ тогда Сетюръ. Особенно тѣсная дружба его завязалась съ маркизомъ Сакромозо.

Въ Венеціи Александръ Сергѣевичъ былъ 17-го января 1755 года и нашелъ тутъ карнавалъ; по его отзыву карнавалъ для венеціанъ составляетъ все, и радость, и восторгъ, но для иностранца онъ рѣшительно скученъ.

Вотъ какъ онъ описываетъ тогдашнюю венеціанскую жизнь:

Все народонаселеніе Венеціи съ утра до вечера находится въ скученныхъ массахъ. Веселье состоитъ въ томъ, чтобы гулять на площади св. Марка, а вечеръ проводятъ въ редутъ, потомъ идутъ въ оперу или комедію.

Вообще Венеція своею свободною жизнію, доходившею до соблазна, — своими обычаями крайне не понравилась Александру Сергѣевичу.

Такъ онъ находитъ, что всѣ венеціанскія дамы имѣютъ Cavalier Galant, которые прислуживаютъ имъ какъ простые слуги. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы непремѣнно присутствовать при вставаніи своихъ дамъ и быть при нихъ, когда онѣ въ постелѣ, потомъ присутствовать при ихъ туалетѣ, а послѣ опять съ ними въ Казино.

Казино это маленькій домикъ, убранный со всевозможною роскошью, и служить для дамъ, послѣ обѣда, мѣстомъ отдохновенія и часто убѣжищемъ всевозможныхъ скандальныхъ исторій. Вечеромъ дамы, со своими неразлучными кавалерами, ѣдутъ обыкновенно въ редутъ или картежные дома. Здѣсь, по описанію нашего путешественника, молодые благородныя венеціанки, въ парадныхъ платьяхъ, привлекаемые грудями золота, рассыпаннаго на столахъ, проигрываютъ достояніе своихъ предковъ. Послѣ редута дамы ѣдутъ въ театръ, и бонъ-тонъ требуетъ — пріѣхать только ко второму акту и, сидя въ ложѣ, проговорить со своимъ кавалеромъ все время, не обращая никакого вниманія на сцену, гдѣ идетъ представленіе; а затѣмъ опять ѣдутъ въ Казино, или, наконецъ, домой, — вотъ жатанъ венеціанокъ. Что касается до венеціанъ, то каждый изъ нихъ священною обязанностію своею считаетъ непремѣнно ухаживать за какою нибудь дамой; все же остальное время посвящается азартной игрѣ, — отчего многія богатыя фамиліи страшно обѣднѣли.

Дождъ пользуется этимъ и покупаетъ голоса дворянъ, которые не стыдятся переходить на ту сторону, которая больше давала. Прокравшіе дворяне поступаютъ на жалованье, по днямъ и часамъ, къ жидамъ, которые имъ даютъ деньги и держутъ такимъ образомъ банкъ. Игра продолжается во весь день и ночь. Изнеможеніе отдыхаютъ нѣсколько часовъ, съ передачей на это время игры другимъ лицамъ. Вотъ, въ виду такой жизни, дворяне часто продаютъ мебель, а также картины великихъ артистовъ за безцѣнокъ.

Пользуясь этимъ случаемъ, Александръ Сергѣевичъ купилъ одну картину Кореджіо, находящуюся и теперь въ галлерей Строгоновыхъ.

Изъ Венеціи Александръ Сергѣевичъ отправился въ г. Болонь, славный въ то время своимъ университетомъ, слушалъ тутъ лекціи по разнымъ наукамъ, а затѣмъ прибылъ въ г. Римъ, представлялся тутъ папѣ и съ нимъ впоследствии даже переписывался; потомъ онъ перѣхалъ въ Парижъ, гдѣ снова предался слушанію лекцій по разнымъ наукамъ, въ томъ числѣ опытной физики, химіи, металлургіи, посѣщая ученые кабинеты академіи наукъ, фабрики и заводы.

Приобрѣтенныя имъ научныя познанія не остались безслѣдны, но были примѣнены на дѣлѣ въ заводахъ пермскихъ.

Парижская жизнь ему пришлась по душѣ. Но отецъ его, какъ было выше объяснено, сильно настаивалъ на скоромъ возвращеніи его въ отечество, что онъ исполнилъ. Впрочемъ, не скроемъ того, что въ одно изъ своихъ писемъ къ отцу изъ Парижа онъ признался въ слабости, извинительной въ тогдешнее время. Такъ разъ онъ просилъ прощенія у своего отца, говоря, что въ Парижѣ онъ имѣлъ несчастіе нѣсколько въ карты проиграть, «хотя веру эту я ненавижу, писалъ онъ, но иначе никакъ нельзя обойтись. Куда ни пойдешь, вездѣ столько оказій, что почти никакъ себя отъ оной удержать не можно.— Я надѣюсь, что вы за мое ребячество и небрежливость не прогнѣвитесь».

Сообщ. Н. М. Колмаковъ.

Ноября 15-го дня 1886 г.

2. Мудро. — Кош. и т. д.

с. Строгоновъ

8761

Отъ автора. —

9107

ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА